

В. А. Зверев

**КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В
ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА**

Новосибирск 1988

Министерство народного образования РСФСР
Новосибирский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический
институт

В. А. Зверев

**КРЕСТЬЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА
(ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ)**

Утверждено редакционно-издательским советом института в качестве учебного пособия

Новосибирск 1988

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Зверев В. Л.

Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): Учебное пособие. — Новосибирск: Изд. НГПИ, 1988. 88 с.

В пособии к спецкурсу по истории СССР на материалах Сибири рассматривается воспроизводство населения как важный компонент образа жизни русского крестьянства в 60-х гг. XIX—начале XX в. Автор анализирует демографическое поведение (физическое возобновление поколений) и социализирующую деятельность крестьян (воспитание и обучение детей). Особый интерес представляет народный опыт организации семейной жизни, подготовки подрастающих поколений к труду. Выявляются традиционные формы воспроизводства населения, характеризуется влияние на них развивавшегося капитализма. Пособие предназначено для студентов исторического факультета. Оно представит интерес и для специалистов по истории крестьянства, исторической демографии и истории педагогики, будет полезно педагогам-практикам.

Научный редактор: д-р ист. наук, проф. Е. И. Соловьева.

Рецензенты: канд. ист. наук **Г. А. Бочанова**; канд. ист. наук, доц. **В. И. Пронин**; кафедра истории СССР НГПИ

©Новосибирский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт, 1988

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

1. ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК И РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ

2. РЕПРОДУКТИВНОЕ И САНИТАРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ГЛАВА II. С НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА

1. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

2. ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

ВВЕДЕНИЕ

В условиях перестройки высшей школы возрастает значение активных форм усвоения студентами профессиональных знаний, умений и навыков, увеличивается возможность выбора дисциплин, определяющих специальную подготовку. При расширении круга и повышении роли спецкурсов и спецсеминаров на исторических факультетах университетов и пединститутов предпочтение отдается темам, актуальным для понимания исторических корней и сущности сегодняшних общественных проблем.

«Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее...», - так было сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии¹. Решая задачу ускорения социально-экономического развития страны, советский народ сейчас преодолевает появившиеся в середине 60-х — первой половине 80-х гг. трудности демографического характера. Реформа средней общеобразовательной и профессиональной школы призвана «выше поднять уровень образования и воспитания молодежи, улучшить ее подготовку к самостоятельной трудовой жизни, осуществить переход ко всеобщему профессиональному образованию»². В этой обстановке в обществе растет интерес к истории регулирования демографической структуры, системы обучения и воспитания молодежи на всех этапах развития советского общества, а также в период, предшествовавший Великому Октябрю. К трудам ученых-историков обращаются и работники школ, внешкольных воспитательных учреждений. Конечно, в прошлом не найти готовых рецептов решения современных демографических, образовательных и воспитательных задач. Главное — глубоко понять генезис и направление развития интересующих нас явлений, мы можем проникнуть в их сегодняшнюю сущность, овладеть их перспективами. При этом наилучших результатов в использовании исторического опыта сможет добиться специалист; сочетающий в себе навыки квалифицированного историка-исследователя и практика — учителя, воспитателя, пропагандиста. Предлагаемый спецкурс призван помочь формированию таких специалистов в стенах педагогического института.

Предметом изучения на занятиях спецкурса является **воспроизводство населения**. Специалистами-демографами оно обычно рассматривается в широком смысле как совокупность трех видов движения народонаселения — «естественного» (определяется соотношением рождаемости и смертности), пространственного (миграции) И социального (социальная мобильность)³. Но есть и другие определения этого понятия⁴. Марксистско-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986. — С. 23

² Там же. — С. 166—167

³ См.: Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Валентей Д. И.— М., 1985. — С. 68.

⁴ Их обзор см.: Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР /Борисов В. А., Киселева Г. П., Лукашук К. М., Синельников А. Б.)-М., 1987. — С. 3—43.

ленинская методология позволяет употреблять его для обозначения процесса непрерывного возобновления поколений людей в его общественно-исторической обусловленности. Используя в нашей работе именно такой подход, мы акцентируем внимание на анализе тех форм жизненной активности людей, которые приводят к возобновлению поколений. Попятно, что такой подход становится возможным только на основе и в связи с изучением воспроизводства как естественноисторического, то есть закономерного и независимого от воли и сознания людей, процесса¹

Характеризуя воспроизводство населения в контексте **социального образа жизни**, мы исходим из следующего определения этого феномена: «Образ жизни — это способ или характер всей жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями их жизни»². Действуя в рамках определенных условий, субъект жизни (личность, группа, общество) воспроизводит, то есть возобновляет и изменяет как эти условия, так и самого себя (в ходе смены поколений).

Для такого возобновления недостаточно физически заменить умирающих людей рождающимися, нужно еще привить родившимся и подрастающим людям социальные качества, необходимые для жизни. Поэтому в структуре воспроизводства нами выделяются две основные составные части: демографическое поведение людей и социализация ими подрастающих поколений. При этом демографическое поведение понимается как система действий (поступков), прямо или опосредованно связанных с физическим воспроизводством населения. Сюда можно отнести брачное поведение (заключение и прекращение браков, регулирование семейной структуры), репродуктивное, поведение (вынашивание и рождение детей) и санитарное поведение (способы сознательного или неосознанного разрушения здоровья или, наоборот, его сохранения)³. Требуется дать также определение термина **«социализация детей и подростков»**. В данном случае им обозначается система спонтанных и целенаправленных действий, через которые обеспечивается включение новых поколений в существующую общественную структуру: в систему социальных отношений, норм поведения, культурных ценностей и т. д.⁴ Социализация включает в себя обучение (передачу знаний, формирование интеллектуальных качеств личности) и воспитание (привитие норм поведения, развитие волевой и эмоциональной сфер). Она призвана сделать

¹ О принципиальной связи и различиях естественноисторического и деятельностного подходов к изучению исторических явлений см.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: Проблемы теории исторического - процесса, - М., 1981.-С. 60—160, 284—286.

² Бутенко А. П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы//Вопр. философии. — 1978. — № 11. — С. 41

³ См.: Демографический энциклопедический словарь. С. 330.

⁴ См.: Кон И. С. Этнография детства: Проблемы методологии // Советская этнография, — 1981. — № 5. — С. 3—14

воспитываемую и обучаемую личность способной оценивать свои и чужие действия и их результаты, сознательно регулировать в соответствии с этим свой образ жизни.

В качестве субъекта (и одновременно объекта) воспроизводства в нашем спецкурсе избрано русское крестьянство, издавна составлявшее наибольшую часть населения Сибири. Хронологические рамки включают в себя период от 1861 до октября 1917г. В это время процесс воспроизводства населения испытывал определяющее воздействие господствовавших в обществе капиталистических отношений. Территориальные границы — Сибирь в рамках Акмолинской и Забайкальской обл., Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ. Это самый обширный регион страны, в котором общие для всей России закономерности развития сочетались со спецификой окраины, колонии в экономическом смысле и района преимущественного развития капитализма вширь¹

В исследовательской литературе процесс воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма в комплексе до сих пор не рассматривался, с разной степенью глубины изучались лишь отдельные его стороны.

В досоветский период накапливался основной фактический материал об этой сфере жизни деревни. Очевидцы из числа местных жителей, политических ссыльных, а также путешественники, участники научных экспедиций, составляя описания тех сторон семейного и общинного быта сибирских крестьян, которые прямо или косвенно были связаны с воспроизводством населения, делали определенные выводы из своих наблюдений. Собираемый местными административными органами, различными ведомствами, общественными и научными организациями материал о естественном движении населения, состоянии школьного дела, сети медицинского обслуживания жителей Сибири обычно тут же подвергался первичной обработке и, вместе с тем, определенной интерпретации. Таким образом, указанные виды источников вобрали в себя многочисленные тексты, имеющие ряд признаков, характерных для работ исследовательского характера. Но на первый план исследовательский аспект вышел лишь в некоторых трудах, посвященных характеристике просвещения и медицинского обслуживания населения², разработке статистических данных о рождаемости, брачности и смертности в ряде районов³

В работах дооктябрьского периода проявились сильные различия в оценке поведения

¹ Подробнее см.: **Горюшкин Л. М.** Место Сибири в составе России а период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985г.— Новосибирск, 1986. — С. 37—50

² См.: **Голубев П. А.** Народное образование //Алтай. Томск, 1890. —С. 236 — 298; **Куломзин А. Н.** Потребности начального образования в Сибири,— СПб., 1898; **Линьков А. И.** Рост учебного дела в Восточной Сибири //, Сиб. архив.— 1912. — № 7. — С. 505 — 543; **Турчанинов Н. В.** Школьное дело за Уралом 10 // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1.—С. 243 — 269; **Ямзин И. Л.** Врачебное дело в Азиатской России //Там, же. — С. 270 — 284; **Ядринцев Н. М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении- 2-с изд., испр. и доп. — СПб., 1892. — С. 558—602

³ **Анучин Е.** Смертность в Тобольской губернии //Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. — Тобольск, 1864. — С. 229—320; **Ефимов А. И.** Православное население Томской губернии по данным 1870 — 1880 гг. — СПб., 1890

крестьян, связанного с регулированием добрых отношений молодежи, созданием семьи, ее упрочением. Весьма противоречиво оценивались также отношение крестьян к обучению детей в школах, степень осмысленности и результативность воспитательных усилий. Имели место и подчеркнута негативная оценка и, напротив, чрезмерная идеализация интересующих нас сторон образа жизни сибирского крестьянства. Причем на общих позициях, бывало, объединялись авторы, которых по другим проблемам историографии относят к разным направлениям (официально-монархическому, буржуазно-либеральному, мелкобуржуазному). Здесь сказывалась принципиальная, близость всех направлений дворянско-буржуазной историографии, переживавшей в конце XIX — начале XX в. серьезный кризис.

Базу для создания в будущем специальных трудов о возобновлении населения формировала в дооктябрьский период публикация исследований посвященных характеристике природно-климатических, социально-экономических, политико-правовых и культурных условий, в которых жило и осуществляло свое воспроизводство крестьянство Сибири¹. Важнейшее значение имели труды представителей марксистско-ленинского направления в историографии, особенно работы В. И. Ленина. В них глубоко обосновывались выводы об определяющем влиянии на все стороны жизни деревни социально-экономических процессов; о принципиальном единстве условия жизни крестьянства восточных окраин и центра России при существенной их специфике и различных районах, социальных слоях и группах; о наличии в Сибири крестьянства, никогда не знавшего крепостного права, в целом более зажиточного, более самостоятельного в своих поступках, чем крестьяне центра страны; о сочетании господствовавших в Сибири капиталистических отношений с остатками патриархальщины и феодализма, что особенно тяжелым бременем ложилось на плечи сельской бедноты; о крайне слабом развитии системы просвещения и медицинского обслуживания трудящегося населения России при капитализме как следствии антинародной политики правящих классов. На первом этапе советской историографии (20 е — начало 30-х гг.) изучение интересующей нас темы продвинулось вперед главным образом благодаря усилиям этнографов. Они расширили сбор, углубили обработку материалов о традиционных формах жизни крестьянства, восходящих к дореволюционной эпохе, по еще сохранявшимся в доколхозной советской деревне. Интересные обобщения на этот счет содержатся в работах Н. И. Воробьева, М. В. Красноженовой, А. М. Поповой, А. М. Селищева, Е. С. Бломквист и Н. П. Гринковой и др., относящихся к различным локальным в территориальном отношении и своеобразным и

¹ Их характеристику см.: **Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.** Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). — Новосибирск, 1984; **Мирзоев В. Г.** Историография Сибири (домарксистский период). — М., 1970; **Шейнфельд М. Б.** Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.). — Красноярск, 1973.

этнокультурном смысле группам крестьянства Сибири¹. Серьезную попытку объединения усилий этнографов вокруг исследования русской народной педагогики в Сибири сделал в это время Г. С. Виноградов. Он впервые ввел в научный обиход это понятие, определил первоочередную программу совместной работы, начал готовить в Иркутском университете кадры исследователей. Работы Г. С. Виноградова по народной педагогике носили новаторский характер². Автор стремился осмыслить как программу и способы целенаправленной воспитательной деятельности взрослых крестьян, так и роль самовоспитания, самообучения в деле приобщения детей знаниям об окружающем мире, к общественным ценностям и нормам, К сожалению, ни в 20-х гг., ни позднее труды Г. С. Виноградова по русской народной педагогике не нашли достойного продолжения.. Не получила поддержки оригинальная по постановке проблемы, но спорная по выводам работа того же автора о взглядах деревенской среды на вопросы смерти³

.На первом этапе советской историографии некоторое развитие получило обобщение статистического материала о состоянии официальной школьной системы в Сибири дооктябрьского периода⁴, об уровне рождаемости в годы первой мировой войны⁵.

В целом можно сказать, что немногочисленные авторы, изучавшие вопросы, связанные с воспроизводством населения Сибири предшествующего периода, опирались в своей работе на довольно узкий круг источников, слабо владели марксистско-ленинской методологией исследования. Так, они практически не рассматривали характер влияния капитализма, с одной стороны, феодальных пережитков, с другой, на демографические процессы и развитие системы просвещения и медицинского обслуживания. Больше продвижение вперед наблюдалось в исследовании тех социально-экономических условий, в которых складывался образ жизни крестьянства Сибири накануне Великого Октября.

Это продвижение замедлилось в середине 30-х — первой половине 50-х гг. Воспроизводство, крестьянского населения досоветской эпохи в историографии этого периода отражения вообще не нашло. Это было связано с общим сужением круга изучаемых историками проблем, свертыванием этнографических исследований в среде русского

¹ Бломквист Е. С, Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. — Л., 1930; Воробьев Н. И. Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири //Изд. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1926. — Т. 33. — Вып. 2/3. — С. 59 — 112; Красноженова М. В. Ребёнок в крестьянском быту //Красноярский краевой краевед, музей, о/ф. 7886, п. и 110. (Далее: ККМ); Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы) Верхнеудинск, 1928; Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920; и др.

² См.: Виноградов Г. С. Народная педагогика: Отрывки и наброски. — Иркутск, 1926; он же. Русский детский фольклор. — Иркутск, 1930

³ Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старого населения Сибири //Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. — Иркутск, 1923. — Вып. 5. — С. 261 —345

⁴ См.: Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. — Новониколаевск, 1923. — Вып. 1; Семьянов П. Е. Школьное дело в Сибири вообще и в Алтайском крае и бывшей Томской губернии в частности //Государственный архив Алтайского края, ф. 132, оп. 1, д. 18. (Далее: ГААК).

⁵ См.: Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири //Сборник Сибирского стат. упр. — Новониколаевск, 1922. — Т. 2. — С. 94—111

населения Сибири.

На современном этапе развития советской, историографии (вторая половина 60-х — 80-е гг.) появились обобщающие труды, и которых специалисты по социально-экономической и политической истории характеризуют уровень развития производительных сил, особенности производственных отношений в сибирской деревне эпохи капитализма, административно-правовое положение крестьянства, его роль в классовой борьбе. Глубоко изучаются различные стороны хозяйственной жизни деревни. Определенные шаги сделаны в исследовании сельского народонаселения, культуры крестьянства¹. В рамках целевой программы «Исторический опыт освоения Сибири» начато комплексное исследование роли крестьянства в освоении Сибири дооктябрьского периода². Оно подразумевает, в частности, изучение воспроизводства сельского населения важного компонента социального потенциала региона. К этой теме подступают с разных сторон не только собственно историки, но и этнографы, фольклористы, педагоги, выделяя в общем объекте интересующий их предмет, аспект рассмотрения.

Работая с конца 50-х гг. в различных местностях Сибири, этнографы сделали интересные выводы о круге брачных связей крестьян досоветского периода, о свадебной, календарной и других формах семейной и общинной обрядности, о структуре семьи, традиционных способах лечения людей и воспитания детей, социализирующего влияния «мира» на молодежь и взрослых³. Пользуясь преимущественно материалами полевых обследований, этнографы имеют возможность рассматривать свой предмет в развитии, в диапазоне памяти еще живущих или недавно умерших поколений. Однако специфика предмета этнографии как науки (традиционные, этнически окрашенные, локальные формы культуры и быта) обуславливает некоторую ограниченность подхода к изучению воспроизводства населения. Нам должны интересовать не только архаичные, устойчивые формы поведения крестьян, но и инновации, связанные с развитием капитализма в районах, близких к городам, железной дороге, в масштабах всей Сибири. В более обширном и систематическом привлечении нуждаются письменные, особенно архивные источники, которые не в полной мере использовались этнографами.

¹ Итоги изучения аграрной истории Сибири эпохи капитализма подведены в следующих работах: **Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.** Историография Сибири...; **Горюшкин Л. М.** Вопросы изучения истории Сибири периода капитализма: Основные итоги и задачи //Изв. Сибирского отделения АН СССР. — 1982. — № 6: Сер. Обществ. наук. — Вып. 2. — С. 27 — 33. Результаты обобщающей работы историков сведены в книге: **Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.** — Новосибирск, 1983.

² См.: **Целевая** научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири»: Проект. — Новосибирск, 1986; **Алексеев В. В., Васильевский Р. С., Горюшкин Л. М.** Изучение опыта освоения Сибири //Изв. Сибирского отделения АН СССР. — 1986. — № 9: Сер. истории, филологии и философии. — Вып. 2 С. 41—54

³ **Этнография** русского населения Сибири и Средней Азии. — М., 1969: **Быт** и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1971—1975.—Ч. 1-2;**Общественный быт** и культура русского населения Сибири (XVIII—начало XX в.). — Новосибирск, 1983; **Громыко М. М.** Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. — М, 1986: и др

Фольклористы обратились к изучению приемов воспитания и умственного развития детей в традиционной крестьянской среде в связи с анализом функций устного и музыкального детского фольклора. Выяснилось, что его социализирующая роль была одной из важнейших и реализовывалась весьма эффективно. В работах М. Н. Мельникова начато конкретное изучение социализирующей функции фольклора в раннем детском возрасте¹. Эта работа очень перспективна и важна, однако бесспорно, что одни фольклорные разыскания не могут обеспечить глубокое изучение всего процесса обучения и воспитания детей.

Специалисты по истории педагогики Сибири немало сделали для исследования состояния школьной сети, внешкольного просвещения взрослых крестьян. Известна весьма убогая и тенденциозная программа обучения детей в официальных школах, охарактеризованы способы применения деревенскими жителями знаний и умений, приобретенных в школах и «самоуком»².

Разворачивающиеся на стыке собственно истории с этнографией, демографией, педагогикой и медициной исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма, преодолевая известную ограниченность уже имеющихся подходов призваны обобщить существующие достижения и на этой основе продвинуть работу дальше. Изучение различных составных частей процесса воспроизводства должно идти во взаимосвязи друг с другом, в широком контексте всего образа жизни крестьянства. Обращая внимание на местные и групповые (классовые, сословные, конфессиональные, этнические) особенности, нужно стремиться выяснить общие черты процесса возобновления русского крестьянства на всей территории Сибири, сравнить положение здесь с ситуацией в Европейской России, в других регионах страны.

Советские ученые предпринимают сейчас большие усилия по изучению закономерностей развития демографической ситуации и социально-демографических отношений, их особенностей в различные исторические эпохи³. Во введении к одной из своих работ известный демограф А. Г. Вишневский пишет, что предлагаемая им схема перехода от архетипа воспроизводства населения к традиционному и от последнего к современному типу через посредство двух демографических революций «так же, как и всякая схема, прощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи у разных народов»⁴. Историк Б. Н.

¹ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. — Новосибирск, 1970; он же. Поиски сокровищ: Записки фольклориста. — Новосибирск, 1985

² Подробнее см.: Зверева К. Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск, 1988. — С. 171-190

³ См.: Народонаселение: прошлое, настоящее, будущее / Медков В. М., Шелестов Д. К., Коростелев Г. М. и др. — М., 1987; Шелестов Д. К. Историческая демография. — М., 1987

⁴ Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 7

Миронов уже отмечал, что А. Г. Вишневским намечено важное научное направление, но движение по нему может быть успешным лишь в том случае, если удастся общую схему состыковать с конкретными исследованиями, в том числе историко-демографического профиля¹.

Для нашей работы очень важны характеристики традиционного типа воспроизводства населения и второй демографической революции (перехода от традиционного к современному типу рождаемости, брачности и смертности), сформулированные А. Г. Вишневским² и в конкретно-историческом плане раскрываемые применительно к Европейской России XIX — начала XX в. Б. Н. Мироновым. Этот историк создал интересные работы о традиционных формах демографического поведения крестьян, о способах его регулирования общиной³. В его трудах, в исследованиях некоторых других историков, педагогов, психологов находят свое развитие темы отношения крестьянства Европейской России эпохи капитализма к культурным ценностям, обучения крестьянских детей грамоте, уровня грамотности сельского населения⁴. Это создает возможности для выявления путем сравнения как общего состояния воспроизводства населения в рамках всей страны, так и специфики отдельных регионов, в том числе Сибири.

Рассмотрение предмета в исторической динамике облегчается появлением работ, в которых раскрываются некоторые аспекты воспроизводства крестьянского населения Сибири в эпоху феодализма⁵ и в переходный период от капитализма к социализму⁶.

Стоящие перед историками задачи невозможно решить без широкого привлечения разнообразных по характеру **методологических и конкретно-исторических источников**. В одной из наших работ произведен анализ источников изучения воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма⁷, и это дает нам возможность не рассматривать их специально в настоящем пособии. Отметим лишь, что работы К. Маркса,

¹ См.: **Миронов Б. Н.** Рец. на кн.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. - М., 1982 // Советская этнография. — 1984. — № 1. — С. 163

² См.: **Вишневский А. Г.** Воспроизводство населения... - С. 59 65, 96—112, 154 — 210.

³ **Миронов Б. Н.** Мир русской деревни // Знание—сила. — 1975. — № 9. С. 42 — 45; он же. Вокруг свадьбы // Знание — сила. - 1976. №10. -С. 42 — 45; **он же.** Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М., 1977. — С. 83 — 104.

⁴ **Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.** Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). — М., 1983; **Миронов Б. Н.** Грамотность в России 1797 — 1917 гг. // История СССР. — 1985. № 4. — С. 137 — 153; **Ососков А. В.** Начальное образование в дореволюционной России (1861 — 1917). — М., 1982; **Федоров В. А.** Об уровне грамотности крестьянства в России в XIX в. // XXVI съезд, КПСС и проблемы аграрной истории СССР. — Уфа, 1984. -С. 390 — 395

⁵ См.: **Крестьянство** Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. С. 400 — 443; **Миненко Н. А.** Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; она же. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма Новосибирск, 1986

⁶ См.: **Крестьянство** Сибири в период строительства социализма (1917 —1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 177- 190; **Славина Л. Н.** Сельское население Сибири и годы восстановления народного хозяйства (1920 1926 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1981.

⁷ См.: **Зверев В. А.** Источники изучения воспроизводства крестьянского населения Сибири при капитализме // Исторический опыт освоения Сибири: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции Новосибирск, 1986. Вып. 1. —С, 84 — 86.

Ф. Энгельса и В. И. Ленина создают прочную методологическую базу работы, а комплекс статистических, законодательных и делопроизводственных материалов, этнографических и экономико-географических описаний, воспоминаний крестьян, фольклорных источников, публицистической и художественной литературы обеспечивает возможность конкретного анализа всех важнейших аспектов воспроизводства крестьянского населения в их взаимосвязи и исторической динамике.

Источниковая база исследования постоянно наращивается благодаря выявлению в центральных и местных архивохранилищах не известных ранее историкам документов, а также путем сбора во время полевых историко-краеведческих, этнографических и фольклорных экспедиций новых материалов. В этой работе успешно участвуют и студенты факультета русского языка и литературы, исторического факультета Новосибирского пединститута. Так, студенты-заочники исторического факультета выявляют материалы по истории народного образования и народной педагогики в Сибири, хранящиеся в местных (школьных, сельских, районных) музеях и записывают рассказы старожилов о жизни в дореволюционной деревне. Наиболее интересные из собранных материалов публикуются в многотиражной газете института.

Глава I. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

1. ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК И РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ

Важнейшими институтами, посредством которых капиталистическое общество в России производило регулирование демографического поведения своих членов и социализацию подрастающих поколений, являлись брак и семья. Брак создавал рамки, в которых преимущественно протекало половое поведение людей и рождение детей. Семья служила основным механизмом, призванным физически сохранять родившихся, давать детям необходимое в будущей жизни умственное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Поэтому характеристику воспроизводства крестьянского населения начнем с тех аспектов поведения крестьян, которые связаны со вступлением в брак, созданием семьи и поддержанием жизнеспособности этих институтов, т. е. с брачного (матримониального) поведения.

Следует иметь в виду, что брачное поведение так же, как и тесно связанные с ним репродуктивное и санитарное, формировалось под воздействием внешних по отношению к семейно-брачной ячейке условий, среди которых в 60-х гг. XIX — начале XX в. важнейшую роль играли опутанные феодальными пережитками но господствующие в российской

деревне капиталистические отношения. В то же время система демографического поведения была относительно автономной, саморегулирующейся системой, способной поддерживать устойчивость, даже когда внешние условия существенно (но не беспредельно) менялись¹.

Б. Н. Миронов, изучая демографическое поведение крестьян Европейской России XIX в., пришел к выводу, что комплекс социально-демографических факторов воздействовал на это поведение через посредство норм обычного права и этических норм, поддерживавшихся сельской общиной — «главной социальной группой Русской деревни, ее законодателем и правителем»². В целом такое положение было присуще и сибирской деревне. Однако изучение источников создает впечатление, что община в Сибири не была таким авторитетным механизмом, ее установки в сфере демографического поведения не были столь же определенными, допускали более широких границах варианты поведения. Это было связано, видимо с известной слабостью сибирской общины, к началу XX в. еще не завершившей процесс своего становления как неформальной ячейки, но уже распадавшейся под влиянием развития капитализма преимущественно по американскому пути.

Важными особенностями норм демографического поведения Европейской России историки считают их мистический, религиозный характер и их традиционализм (нормы перенимались «по наследству» от отцов и дедов, вне критического осмысления)³. В Сибири, как нам представляется, религиозная оболочка норм демографического поведения крестьян была выражена несколько слабее. Что касается способов передачи и регулирования этих норм то их традиционалистская сущность, вступив на рубеже XIX и XX вв. в противоречие с теми социально-экономическими и культурными условиями, в которых стало жить крестьянство, подверглась определенной эрозии. Складывались некоторые предпосылки перехода к современному (рациональному) типу воспроизводства населения.

Традиционный тип демографического поведения подразумевал отсутствие свободы выбора: социальные нормы предписывали людям готовые формы, стандартные блоки поведения. Матримониальное поведение, в частности, характеризовалось ранним заключением браков и практическим отсутствием взрослого населения, вообще не вступающего в брак. Рассмотрим в этом свете основные показатели, характеризующие брачное поведение сибирских крестьян.

Наиболее важный из них — коэффициент брачности. В 1902—1903 гг. в сельской местности Тобольской губ. на каждую тысячу человек среднего населения было заключено

¹ Подробнее см.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения... — С. 15—19

² Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение... С. 84

³ См.: Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. — 1984. — № 5. -70—80

9,3 брака, в Енисейской губ. — 8,94¹. Эти величины близки к соответствующему показателю в деревнях Европейской России и могут считаться очень высокими.²

Брачный возраст сибиряков лучше всего характеризуют ежегодные сведения о возрасте жителей, вступивших в брак, доставлявшиеся в губернские статистические комитеты причтами местных церквей. Рассмотрим данные по наиболее населенной в Сибири Томской губ., а также по Тобольской и Енисейской губ. (табл. 1). В совокупности они дают картину по региону в целом за длительный период. Анализ таблицы 1 показывает, что во второй половине XIX — начале XX в. от половины до 2/3 всех крестьянок выходило замуж в возрасте 20 лет и менее, еще около 1/4 - в промежутке между 21 и 26 годами. Брачный возраст мужчин был несколько выше, но и у них к 26 годам женилось более 70%. Предельным (особенно для женщин) возрастом для вступления в первый брак считались 30 лет — об этом ярко свидетельствуют описательные источники³, это фиксирует и статистика.

Таблица 1

**Соотношение сельских жителей различного возраста, вступивших в брак
в сибирских губерниях в разные годы, %***

Возраст вступающих в брак, лет	Мужчины			Женщины		
	Томская 1870-1880	Тобольская 1902-1903	Енисейская 1902-0903	Томская 1870-1880	Тобольская 1902-1903	Енисейская 1902-0903
До 21	37,7	37,0	37,9	57,0	61,6	67,8
21-26	34,5	33,9	34,2	29,9	27,4	22,6
26-31	11,6	16,5	16,5	6,5	5,5	5,0
31-36	6,1	4,5	4,6	2,8	2,2	1,8
36-41	3,7	2,8	3,0	1,6	1,2	1,0
41-46	2,5	2,3	1,8	1,1	1,0	0,9
46-51	1,8	1,4	1,0	0,7	0,6	0,6
Старше 51	2,1	1,6	1,0	0,4	0,5	0,3

В 1873-1897 гг. в Киренском окр. Иркутской губ., например, брак в возрасте до 31 года вступило 90,8 % всех женившихся мужчин и 98,3 % выходивших замуж женщин. Вторые браки, в случае смерти первого супруга или развода с ним, заключались, разумеется, в несколько более позднем возрасте. Согласно данным за те же 25 лет по Киренскому окр., 69,4% мужчин женилось вторично в возрасте старше 30 лет, причем наибольшее количество повторных браков приходилось на 31—35 лет. Женщины чаще выходили замуж в 21—25 лет, но и у них 52,7% повторных браков заключалось в возрасте старше 30. Что касается

¹ Подсчитано по: **Статистика** Российской империи. СПб., 1907. — Вып.66 С. 254; 1909. — Вып. 70. — С. 254; **Отчет**, о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896—1901 гг. СПб., 1905. — С. 74,80;**Отчет...**, за 1902 г. - 1904. — С. 54; **Отчет ...** за 1903 г. -к 1905. С. 54.

² См.: **Миронов Б. Н.** Традиционное демографическое поведение...— г С: 88 89.

³ **Архив** Географического общества СССР, разр. 61, оп. 1. д. 37, л. 1-2 (**Далее:** АГО); **Научный архив** Института этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая АН СССР, ф. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, д. 69, л. 14. (**Далее:** АИЭ); **Кривошапкин М. Ф.** Енисейский округ и его жизнь. — СПб., 1865. — Т. 1. — С. 49 — 50

третьих браков, то мужчины заключали их чаще всего в 36—40, женщины - 31 —35 лет. Повторные браки составляли 14,1% общего количества браков мужчин и 10,1% - женщин. Третьи браки были очень редкими — 1,3% у мужчин и 0,8% у женщин.¹

Приведенные данные показывают, что в изучаемый период брачный возраст мужчин и женщин в сибирской деревне отличался не очень сильно. «Невест подыскивают «ровню». Как парень не женится на девушке старше себя, так и девушки неохотно идут за вдовцов и парней моложе себя», - констатировал в конце XIX в. применительно к Иркутской губ. М. В. Загоскин². Его наблюдение отражало процесс изживания широко бытовавшего в предшествующий период в условиях острой нехватки женских рабочих рук в крестьянских семьях Сибири обычновения женить сыновей и как можно раньше, девушек же выдавать попозже³. В Томской губ. этот процесс уже в стадии завершения зафиксировал еще в 70-х гг. XIX в. И. А. Костров: «В прежнее время... были весьма часты браки взрослых девушек с малолетними женихами. В настоящее время, обыкновенно, жених и невеста бывают соответствующих друг другу лет; исключения из этого правила допускаются в редких, особенных случаях»⁴. Всеобщая перепись населения 1897 г. рисует следующую картину сравнительного возраста супругов по Тобольской губ. (табл. 2).

Таблица 2

Количество браков с разницей в возрасте супругов у русских крестьян Тобольской губ. (1897)*

Разница в возрасте, лет	Ровесники	Муж старше жены на					Жена старше мужа на			Итого
		1-5	6-10	11-15	16-20	более 20	1-5	6-10	Более 10	
Абс.	1352	2779	1089	441	214	163	1125	107	27	7297
%	18,5	38,1	14,9	6,0	3,0	2,2	15,4	1,5	0,4	100

*Подсчитано по: ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 2, д. 7,12,21,25,40,45,61,69,76,90,92,107,125,149,154,164,166,176,180,181,184,192,193,211.

В таблицу 2 вошли наши подсчеты, сделанные по первичным подворным карточкам переписи 1897 г., относящимся к 95 населенным пунктам восьми округов (всех, кроме редко населенных Сургутского и Березовского). Во внимание были приняты все брачные пары, зафиксированные переписчиками, в том числе хозяина дома с женой, родителей домохозяина и его жены, детей домохозяина, других родственников, квартирантов, наемных работников, живущих во дворе домохозяина. Учитывались и невенчанные браки («сожительства»),

¹ Подсчитано по: **Кокоулин К. К.** Естественное движение населения в Кир. уезде Иркутской губернии // Известия Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1903. — Т. 34. — № 2. — С. 140.

² **Загоскин М. В.** Ответы на программу ИРГО для собирания нарочных юридических обычаев. - Иркутск, 1891. — С. 6

³ См.: **Этнография** русского крестьянства Сибири (XVI середина XIX в.) - М., 1981. С. 41; **Крестьянство** Сибири в эпоху феодализма. С. 410—411.

⁴ **Костров Н. Л.** Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. — Томск, 1876. С. 15

зафиксированные со слов фактических супругов. При этом выяснилось, что почти 3/4 крестьянских браков этого обширного региона заключалось либо ровесниками, либо людьми с разницей в возрасте не свыше 5 лет, обычно в пользу мужчин. Такое положение можно считать близким к оптимальному с хозяйственной, демографической и психологической точек зрения¹. В частности, оно было благоприятным для осуществления семьями репродуктивной функции.

Однако уже закрепившуюся в общественном сознании норму брачного возраста во многих случаях крестьяне вынуждены были нарушать. Это происходило обычно по объективным причинам. Единственного сына отцы вынуждены были женить «недоростком», чтобы быстрее получить в дом невестку работницу, особенно если своя жена умерла или была больна. «В молодых летах» женили парня также, чтобы «избежать греха», а так же боясь, что он с «молодняком» будет хулиганить в условиях определенного ослабления в изучаемую эпоху родительского и общинного авторитета². Сдругой стороны, удлиняло добрачным возраст мужчин разумное стремление не жениться до призыва в армию с ее длительными для неграмотных крестьян сроками службы. Некоторых девушек, как в прежние годы, долго не отпускали замуж от и старшие братья по экономическим причинам. По церковным правилам нельзя было вступить в брак до 21 года без родительского благословения, а таковое, выбрав пару «по душе», но не по воле родителей, получить было трудно.

Важной причиной поздних браков части деревенских жителей в изучаемое время стала крайняя бедность, не позволявшая «отцам-матерям» рассчитывать на приемлемую партию для сына или дочери, скопить деньги на свадьбу и связанные с ней большие расходы. Источники по разным местностям Сибири показывают разорительность свадьбы в ее традиционном виде даже для относительно зажиточных семей. В «плохоньком» варианте она обходились семье жениха не менее чем в 80—100 руб., середине же суммарные расходы семей жениха, невесты и гостей единовременно (без долгов, которые выплачивались позднее), например, в Курганском, Тюменском, Ялуторовском и Ишимском окр. Тобольской губ. составляли в конце XIX в. 333руб.³ Поэтому во многих «нехватных» хозяйствах приходилось откладывать свадьбу в надежде на необычайно урожайный год, счастливый промысел, экстраординарные заработки на стороне. «Случалось, самые бедные жили без венца. Корову надо отдать попу, да стол ставить, да вино. Где же им», — вспоминала впоследствии жительница с. Спасского Каинского у. Томской губ. Е. П. Николаева.¹

Часть названных факторов, особенно бедность, могла приводить, таким образом, к

¹ См.: Бестужев-Лада И. В. Семья, вчера, сегодня, завтра.- М., 1979.- С. 38

² Государственный архив Томской области, ф. 170. оп. 5, д. 405, л. 44-45 (Далее: ГАТО); Тобольский филиал Государственного архива, Тюменской области, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 1-306. (Далее: ТФ ГАТО)

³ Осипов Н. О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. - 1893. — Вsg.1 — С. 97.

длительному, иногда к пожизненному безбрачию конкретных лиц. В целом в сибирской деревне, как свидетельствуют данные всеобщей переписи населения 1897 г., уровень брачности населения был очень высоким (табл. 3). В законном браке состояло примерно 2/3 населения в возрасте 15 лет и старше. В детородном же возрасте 15—49 лет в браке находилось 61,7% мужчин и 71,4% женщин. Однако в возрасте 30—39 лет, когда уже очень мало шансов на вступление в брак, вне его в категории холостых и девиц оставалось еще 11,7% мужчин и 4,0% женщин; в возрасте 40 лет и старше соответствующие показатели составляли 6,8 и 3,4%.² Заметную долю бессемейных в сибирской деревне вынужденно составляли ссыльные.³ Не удавалось вступить в брак и людям с существенными физическими недостатками, хронически больным, неспособным к труду и деторождению. «Бобылями», «вековухами» становились и некоторые выходцы из семей плохой репутацией, лица, известные распутным поведением, пьянством. «Хороший блин давно бы съели», — третируя тех, кто по своим личным качествам не смог найти себе пары, говорили, бывало, крестьяне.⁴

Таблица 3

**Соотношение лиц с различным семейным положением среди населения
в возрасте 15 лет и старше (1897 г.)***

Семейное положение	Мужчины				Женщины			
	В целом по Сибири		В т. ч. в сельской местности		В целом по Сибири		В т. ч. в сельской местности	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Холостые и девицы	547852	29,5	479738	28,4	357417	20,2	317393	19,5
Состоящие в браке	1172035	63,1	1079358	64,1	1183099	66,7	1100995	67,8
Вдовы	131113	7,1	120657	7,2	227163	12,8	201125	12,4
Разведенные	3331	0,2	3000	0,2	3512	0,2	3206	0,2
Не указано	1914	0,1	1605	0,1	1837	0,1	1576	0,1
Итого	1856245	100	1684358	100	1773028	100	1624295	100

*18. Подсчитано по: **Первая** всеобщая перепись... - Т.73.-С.18; Т. 74. – С. 20.; Т. 75. –С. 18; Т. 78. – С. 26; Т. 79. – С. 24; Т. 81. – С. 17-18.

В литературе указывается, что брак в русской досоветской деревне рассматривался прежде всего как экономическая сделка, призванная создать новое хозяйство, пополнить

¹ **Сибирские** сказы, предания, легенды / Сост. Мисюрёв А. Л. Новосибирск 1959. — С. 133—134

² Подсчитано по: **Первая** всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1904—1905. — Т. 73. — С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. — С. 18; Т. 78. — С. 26; Т. 79. — С. 24; Т. 81. — С. 18

³ См.: **Материалы** по исследованию землепользования и хозяйственного бсна сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М.; Иркутск, 1892.- Т.2. — Вып. 6. — С. 51; 1893. — Т. 4. — Вып. 2. — С. 102

⁴ **Новосибирский** гос. пед. ин-т, кафедра истории СССР, коллекция материалов по истории Сибири, оп. 1, д. 6, л. 29. (Далее: НГИИ)

семью бесплатными рабочими руками, породнить бедную семью с зажиточным семейством и т. д.¹ Однако осознавался и демографический смысл вступления в брак: создавалась ячейка, предназначенная для рождения и воспитания детей. Недаром в Сургутском округе Тобольской губернии при выборе невесты традиционные требования к ней формулировались так: она должна быть «дому хозяйка, мужу жена и детям мать».² Присматривая» здоровую, крепкого телосложения, трудолюбивую, чистоплотную, «положительного» характера и «незасорного поведения невесту для сына, крестьяне исходили не только из хозяйственных соображений - эти качества были нужны будущей матери для рождения здоровых детей и их правильного воспитания. Способность к работе», домовитость», имущественный достаток, природный ум, трезвый образ жизни — необходимые для жениха качества также в значительной степени были ориентированы на его будущую роль отца и главы семейства.³

Примечательно повсеместное стремление выбирать брачного партнера «из хорошей семьи, из доброва роду («Выбирай лошадь от породы, а человека от дому», «Не бери жену - бери родню»)⁴. Крестьяне, видели, в частности, что в крепкой, работающей семье обычно вырастает хороший человек. В собственную семью он переносит атмосферу, стиль отношений отцовской семьи. Воспитывая своих детей так же, как воспитывали его, формирует у них положительные качества своих родителей, родственников: «ребята хороши, добры будут от доброй-то матери».⁵

Дети, интересы их социализации выходили на первый план особенно часто при заключении вторых и ничьих браков. Сохранилось множество документов, в которых члены фактически распавшихся семей, мужчины и женщины просят церковные власти разрешить им развод и вступление в новый брак ради полноценного содержания и воспитания детей, оставшихся от первого брака, или ради узаконения детей, родившихся в новом (невенчанном) браке⁶. «Лучше обгореть, чем овдоветь», - говорили в деревне,⁷ имея в виду не только неминуемый в большинстве случаев после смерти «большой головы» или «большухи» упадок хозяйства, но и невозможность в одиночку «поднять» малолетних, детей.

Ограничений на второй брак ни по закону, ни по обычному крестьянскому праву для вдовых не было, общественное мнение осознавало его физиологический, хозяйственный и

¹ См.: **Лебедева А. А.** Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения... — Ч.2. — С. 96; **Зверев В. А.** Внутрисемейные отношения крестьян Сибири конца XIX. — начала XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. — Новосибирск, 1981.-С.93-100

² Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва.1903.-Т. 30.-С.144

³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, 2; ККМ, о/ф. 7886, п. и. 121, л. 1; п. и. 209, л. 67; **Материалы** для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — СПб., 1892. — Вып. 17. — С. 71—72

⁴ **Абрамов Н.** Город Ялуторовск с его округом // Тобол, губерн. ведомости.— 1864 11 июля; **Ивановский В.** Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской гебернии // Ежегодник Тобол, губерн. музея.—1905. — Вып. 15.—С. 18

⁵ ККМ, о/ф. 7886, п. и110, л. 1

⁶ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 1421, л. 1; д. 2004, л. 7—8; оп. 29, д. 2008, л. 1; д. 2096, л. 1, 48; 2202, л. 161, 195

⁷ **Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.** Старый фольклор Прибайкалья. — Улан-Удэ, 1939.-Т. 1.-с. 356; **Урал** в его живом слове. / Сост. Бирюков В. П. — Свердловск, 1953. С. 132.

воспитательный смысл. Но далеко не все вдовы этим пользовались. Мужчины вообще гораздо чаще заключали второй и третий брак, чем женщины, поскольку именно они по традиции выступали в качестве инициаторов сватовства. Редко, впрочем, женились мужчины-вдовцы старше 40 лет, имевшие взрослых сыновей: для сохранения хозяйства они предпочитали женить последних, сами переходя при этом на положение «стариков»¹. Вдовцы женились преимущественно на вдовах, а на девицах. Очевидно, при этом принимался в расчет не очень благоприятный для замужества, возраст многих вдов, их обремененность малолетними детьми. Впервые вступавшие в брак холостяки еще реже женились на вдовах. В результате незамужних вдов в населении было гораздо больше, чем неженатых вдовцов (см. табл. 3). Например, по данным переписи 1897 г., в сельском населении Томской губ. на каждых 100 неженатых вдовцов в возрасте от 20 до 60 лет приходилась 191 женщина этой категории.² Единственной группой мужчин, представители которой женились преимущественно на вдовах-крестьянках, были ссыльные, но они составляли очень малую часть населения, и, кроме того, на брак со ссыльной «голытьбой» решались немногие вдовы, обычно те, которые, управляя хозяйством, не имели в нем мужских рабочих рук.³

Среди браков, распространенных в деревне, можно выделить законные и юридически не оформленные браки-«сожительства». Разумеется, большинство русских крестьян, будучи православными, оформляло свой брак путем венчания и записи в метрическую церковную книгу. Браки старообрядцев узаконивались либо также венчанием (у поповцев), либо (у беспоповцев) записью в метрическую книгу, имевшуюся в волостном правлении. Однако некоторая часть браков у русских крестьян, существуя фактически, юридически не оформлялась.

В основном это вторые браки — в «сожительства» вынуждены были вступать лица, первый брак которых фактически распался, но по закону не мог быть расторгнут. Кроме того, поневоле «жить сводом» приходилось тем представителям бедноты, которые, не смогли найти средств на венчание и свадьбу, но в то же время сочли невозможным для себя воздержаться от вступления в брак.⁴ «На сводный брак» могли «сойтись» также лица, венчаться которым воспрещал закон: не достигшие нужного возраста, не имеющие родительского благословения, состоящие в духовном или физическом родстве друг с другом, некоторые категории ссыльных. Относительно последних имеется статистика. В конце XIX

¹ См.: Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Зап.-Сиб. Отд. Рус. геогр. о-ва. — 1879. — Кн. 1. — С. 4—5; Загоскин М. В. Ответы на программу... — С. 9

² Подсчитано по: **Первая** всеобщая перепись... — Т. 79. — С. 24

³ См.: **Материалы** для изучения... Западной Сибири. — 1889. — Вып. 3. — С. 41; 1982.-Вып. 14 — С. 60; Вып. 17. — С. 69—72

⁴ ГААК ф. 184, оп. 1, д. 18, д. 22; ГАТО; ф. 10, оп. 9, д. 32, л. 1; ТФ ГАТО, ф.156, оп. 29 д. 2202, л. 202; и др.

в. из каждых 100 наличных (проживающих в месте приписки) ссыльных мужчин в Енисейской губ. 41 состоял в законном браке, 13,5 — в сожителстве, остальные были одинокими. Среди женщин, вступивших в «сожителство» со ссыльными, ровно половину составляли местные крестьянки, часть из которых взяла новоиспеченного мужа, а свой дом. Сходная картина наблюдалась и в Иркутской губ.¹

Среди живших сводом» было немало старообрядцев — у некоторых толков старообрядчества обряд бракосочетания совершался начетчиком и никак официально не оформлялся. У других считалось нормальным создание семьи «без всяких обрядов или пирушки, а просто так — приглянулись, например, друг другу девушка и парень, и, недолго думая, она уходит к нему и со дня ухода считается его женой»². Такие порядки становились иногда причиной перехода в раскол крестьян, не имевших возможности жениться по православному обряду. Подобные случаи имел, в частности, ввиду глава Енисейской епархии, когда из года в год в начале XX в. сетовал в своих отчетах, что больше половины «отпадений» паствы от православия происходит здесь «из чисто житейских и материальных расчетов».³

Невенчаные браки в сибирской деревне, составляя довольно заурядное явление, не встречали сурового осуждения общественного мнения и какого-либо противодействия со стороны общинных институтов, хотя и считались не вполне полноценными. Часть из них в подходящее для этого время супругами узаконивалась, при этом имелось в виду, что многие хозяйственные и семейные дела (наделение землей, наследование имущества, усыновление ребенка и др.) можно было решать только в ячейке, имевшей официальный статус. Но и незаконные (с точки зрения светских и духовных властей - несуществующие) браки на практике часто оказывались не менее прочными, чем браки, освященные церковью. Об этом свидетельствуют самые различные источники.⁴

Статистических данных о распространенности невенчаных браков у большинства категорий сельского населения Сибири не существует. Н. О. Осипов, занимавшийся обследованиями крестьянских хозяйств в Западной Сибири, писал о причинах этого так: «При подворных описях исследователям очень часто приходилось регистрировать вдовцов, имеющих стряпок и вдов, имеющих «работников»; хотя само по себе это вполне естественно... но шуточные разъяснения собравшихся для переписи крестьян не оставляли

¹ **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 2. — Вып. 6.- С. 303-304; Т. 4. — Вып. 2. — С. 93—104

² **Протасов Н. П.** Как я записывал народные песни // Известия Вост.-Сиб. отд. Рус. Геог. О-ва. -1903. —Т. 34. — № 2. — С. 133

³ **Центральный** гос. исторический архив СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2387, л. 44; д. 2701, л. 31; и др. (Далее: ЦГИА).

⁴ См. **Восточное** обозрение. — 1902. — 11 янв.; Костров Н. А. Юридические обычаи... - С. 45; **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ.— 1890. — Т. 2. —Вып. 2. — С. 164; **Попова А. М.** Семейские. — С. 22

сомнения в истинном назначении этих стряпок и «работников»¹. Просмотр 6293 подворных карточек переписи 1897г. по 41 выделенному методом случайной выборки сельскому обществу 8 округов Тобольской губ. показал, что в них со слов самих крестьян переписчиками было зарегистрировано 110 «сожителей» или «сожительниц» кого-либо из членов хозяйства.² Это, конечно, только небольшая часть людей, живших здесь в гражданском браке, но не афишировавших этот факт (церковью такие браки предавались анафеме как «распутство», «разврат»)³.

Вступление в брак, сопровождаемое в большинстве случаев очень ярким свадебным обрядом, осознавалось крестьянами обычно как главное, наиболее памятное событие всей жизни. С переходом «от парня к мужику», «от девушки к бабе» принципиально менялась роль человека в хозяйственной и семейной жизни, его права и обязанности в обществе. «Женится — переменится», «жениться — переродиться», — говорили крестьяне-сибиряки, и эти перемены касались не только всего образа жизни, но даже внешнего облика человека его прически и одежды.⁴

С образованием брачной ячейки обычно вставал вопрос о ее структурном соотношении с первичными (родительскими) семьями. Одновременно это был вопрос и об ее экономическом, а также юридическом статусе. Общественное мнение и закон допускали несколько вариантов решения вопроса. Новая брачная пара могла быть включена в состав семьи и домохозяйства родителей мужа или жены, она могла также сразу выделиться и создать самостоятельную ячейку, которая с рождением детей превращалась в семью. Какой из этих вариантов чаще выбирали крестьяне? Вопрос этот можно сформулировать и по-другому: как изменялись общие размеры крестьянской семьи в Сибири? Шел ли в ходе развития капитализма процесс сокращения средних размеров семьи, упрощения ее структуры за счет семейных разделов, или продолжалось происходившее в первой половине XIX в. ряде районов «усиление роли большой семьи в производственной практике и общественном сознании»?⁵

Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что в 60-х гг. XIX — начале XX в. повсеместно в Сибири действовали обе указанные тенденции, но преобладало стремление недавно образовавшихся молодых крестьянских семей к отделению от первичных (отцовских и братских) ячеек. Советские этнографы вполне определенно установили факт ускоренного распада при капитализме в глухих уголках Сибири

¹ **Материалы** для изучения... Западной Сибири. — 1894. — Вып. 21. — С. 42.

² Подсчитано по: ТФ ГАТО. Ф. 417, оп. 2. д. 7, 12, 20, 21. 25, 40, 45. 61, 69, 76, 90,92,107,125,149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211

³ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 33; д. 2580. л. 34—35; д. 2752, л. 13—14.

⁴ АГО разм. 57. оп. 1, д. 19, л. 2: **Липинская В. А.** Русское население Алтайского края. — М., 1987. - С 136—137

⁵ **Мамсик Т. С.** О типологии крестьянских хозяйств Сибири дореформенного периода // Социально-демографические

(Приангарье, Забайкалье, Южный Алтай) еще сохранявшихся неразделенных семей старожилов.¹ В Ялуторовском окр. Тобольской губ. в 1889—1891 гг. делилось в среднем за год 506 семейств крестьян-старожилов, в следующие 1892—1893 гг. — уже 549, а в 1894 г. только за первые полгода разделилось 502 семейства (наличных хозяйств старожилов в 1894 г. в округе было 34170).² В развитых в социально-экономическом и культурном отношении районах к началу XX в. неразделенных семей было уже мало. Основная масса вновь образующихся брачных пар создавала самостоятельные хозяйственные и юридические, единицы.

Средний размер семей переселенцев в Сибири также сокращался и от года к году. Об этом свидетельствует, в частности, сравнение данных обследований дворов переселенцев, водворенных на переселенческих участках, за разные годы. Если в 1903—1904 гг. в различных губерниях и областях Сибири средняя людность не переселенческого хозяйства колебалась от 6,3 до 7,4 чел., равняясь в целом по региону 6,6 чел., то в 1911-1912 гг. она составляла в среднем по Сибири только 6,1 чел.³

Здесь уместно привести данные о людности семьи в крестьянской среде, взятой в целом, без различения старожилов и переселенцев. Но второй половине XIX — начале XX в. в Сибири господствовала небольшая по численности семейная ячейка, содержащая в 1897 г. в среднем на селе 5,4 чел.⁴ Конечно, ее размеры и состав отличались в разных группах крестьянства. В среде зажиточных середняков и формирующейся сельской буржуазии наиболее ярко была представлена тенденция к сохранению крупной, многопоколенной семьи с большим количеством рабочих рук, которые дополнялись в определенные моменты рабочей силой наемных батраков и обеспечивали расширенное воспроизводство хозяйства. В слое же бедноты широко распространялись малые семьи из 3—4 чел., структуры типа «одинокое» и «супруги без детей».⁵

аспекты развития производительных сил деревни М., 1984.-С. 129.

¹ См. **Горелов В. А.** Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения... Ч. 1.— С. 99—100; **Лебедева А. А.** К истории формирования Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XXв.) // Этнография русского населения Сибири...— С. 168;**Сафьянова А. В.** Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне алтайского края (вторая половина XIX—XX в)- Автореф. дис... канд. Наук. – М., 1974. - С. 10.

² Подсчитано по: **Материалы** по исследованию землепользования и хозяйственного населения Ялуторовского округа Тобольской губернии.— М. 1897.- Т. 1. – С. 800.

³ Подсчитано по: **Материалы** по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. — Спб., 1905 – Ч. 1. – С. 18,52, 98, 100; **Сборник** статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. — СПб., 1912. — Вып. 1.-С. 15—17, 185; Вып. 2. — С. 122, 128; Вып. 3. — С. 152, 158, 164, 170; Вып. 4.-С. 108; **Сборник** статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. — Томск, 1913. — Вып. 2. — С. 173—174

⁴ Подсчитано по; **Первая** всеобщая перепись... — Т. 73. — С. 18; Т. 74. — С. 20; Т. 75. — С. 18; Т. 78. — С. 26; Т. 79. — С. 24; Т. 81. — С. 18. См. также: **Соловьева Е. И.** Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX в.). — Новосибирск, 1979. — С. 126-140

⁵ См.; **Зверев В. А.** Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX—начала XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1982. — С. 10.

Две указанные выше тенденции - сокращение и упрощение семейного состава и, наоборот, стремление расширять, усиливать его — были, как нам представляется, следствием перестройки функций крестьянской (мелкобуржуазной) семьи в условиях победившего капитализма. Наметилось свертывание хозяйственной роли семьи на социальных полюсах деревни. Пролетарская семья превращалась в группу родственников, живущих и воспитывающих детей совместно, но работающих по найму и чужих хозяйствах. Семья кулака-предпринимателя, обрастая наемной рабочей силой, в наиболее крайних случаях становилась потребительной ячейкой, непосредственно не занятой в производстве. Поскольку изживание экономической функции не зашло далеко и семья оставалась основной ячейкой сельскохозяйственного производства, ее оптимальный состав играл большую роль в судьбе двора, находившегося в неустойчивом положении. Крупные размеры, означавшие наличие многих лиц трудоспособного возраста, подрастающих детей, — это то качество, которое в Сибири в некоторых случаях предотвращало разорение, а при благоприятных условиях могло обеспечить и переход в кулацкую «элигу».

На состав крестьянской семьи, на те формы демографического поведения крестьян, с помощью которых происходило регулирование этого состава, наряду с развитием капитализма и социальным разложением деревни, большое влияние оказывала правительственная политика. Искусственным образом поддерживало крупную семью проводимое с конца XIX в. ограничение крестьянского землепользования (в крупной семье было больше «земельных душ»). К составу семей переселенцев определенные требования предъявляли органы, дававшие разрешение на переселение. Контроль своих представителей и общинных институтов за структурой крестьянских семей правительство пыталось усилить в 1886 г. принятием закона о семейных разделах, в 1894 г. — положения о паспортах.

Эти законодательные акты, призванные ограничить семенные разделы, приспособить крестьянство к жизни большой семьей и тем самым предотвратить разрастание «язвы пролетаризации», не достигли своей цели.¹ Крестьянские общины Сибири сравнительно редко использовали свое право воспротивиться семейным разделам своих членов. Основная масса разделов проходила вообще без обращения членов семьи к миру с просьбами «о дозволении». Кроме того, многие наблюдатели констатировали, что «деревеское общественное мнение к разделам семей и хозяйств однообщественников относится, в общем, сочувственно, разрешает каждую просьбу о выделе с легким сердцем».² В худшем случае

¹ См.; **Труды** местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — СПб., 1903. — Т. 57. — С. 85—86.

² **Л. У. Б.** Наши деревенские будни // Сибирский сборник, —1900. — Вып. 1. С. 130—131. См. также: АГО, разр. 57, оп. 1. д. 19, л. 24; **Капустин С. Я.** Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии // Литературный сборник—СПб., 1885. — С. 111.

отмечается, что мир «порицает разделы, но никаких мер против них не принимает».¹

Кроме женитьбы сына или дочери, а также семейных разделов способами регулирования состава семьи были разводы супругов и прием в дом людей со стороны.

Говоря о разводах, нужно иметь в виду, что формальный развод крестьянину в то время было получить чрезвычайно трудно. Действовавший во второй половине XIX в. закон устанавливал возможность совершения развода Синодом по просьбе одного из супругов лишь в случаях: «доказанного прелюбодеяния», физической неспособности к брачному сожитию (существовавшей еще до заключения брака), лишения одного из супругов по суду прав состояния и по безвестному (более пяти лет) отсутствию супруга. Кроме того, могли быть признаны незаконными и недействительными некоторые браки, заключенные ранее с нарушением действующего законодательства. В декабре 1892 г. был он закон о возможности расторжения брака в случае, если невинный человек не хочет ехать со своим супругом, осужденным на ссылку в Сибирь на жительство по приговору уголовного суда. Однако с января 1901 г. ссылка на жительство была заменена другими видами наказания, и данная причина для формальных разводов исчезла. По положению от 19 сентября 1907 г. срок, по истечении которого могло быть возбуждено ходатайство о расторжении браков с принимавшими участие в русско-японской войне и пропавшими без вести военными служащими, был сокращен до двух лет, и этим в последующие годы воспользовались некоторые женщины-солдатки.²

В целом же, поскольку факт прелюбодеяния обычно было доказать очень трудно, а все остальные названные выше «причины» возникали очень редко, даже в самой «несоветной» супружеской паре обычно не существовало формальных оснований для развода. Несмотря на большие денежные затраты и потери времени, возбуждение ходатайства о разводе никак не гарантировало успеха, и потому крестьяне если и решались на него, то обычно через несколько месяцев или лет после фактического разрушения семьи, главным образом для того, чтобы получить законную возможность вступить в новый брак или оформить брак, уже возникший фактически.

Таблица 4

Количество бракоразводных дел, возбужденных крестьянами Тобольской губ. по разным причинам, абс*.

¹ Михайлов К. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири // Русская мысль. — 1885. — № 12. — С. 14.

² ТФ ГАТО, ф. 156. оп. 29, д. 2049, 2068, 2077 и др.

Годы	Прелюбодеяния		Ссылка на каторгу и жительство		Безвестная отлучка		Неспособность к супружеской жизни		Пропажа мужа без вести на войне	Всего
	Жены	Мужа	Жены	Мужа	Жены	Мужа	Жены	Мужа		
1890-1899	55	5	9	24	13	18	-	2	-	126
1900-1899	204	25	8	11	41	35	3	12	30	369
1910-1915	126	22	2	10	25	30	1	7	14	237
Итого	385	52	19	45	79	83	4	21	44	732

* Подсчитано по: ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 27, л. 18 59; оп, 28, л. 1—70; оп. 29, л. 1—58.

Нами подсчитано количество бракоразводных дел, возбужденных в 1890—1915 гг. крестьянами (включая казаков, отставных солдат и солдатских жен), жившими в пределах Тобольской епархии (табл. 4). Их оказалось за 26 лет всего 732. С течением времени количество ходатайств о разводах последовательно увеличивалось. Большинство дел было возбуждено мужьями под предлогом «прелюбодеяния» или «прелюбодейной жизни» их жен — таких дел оказалось в общем итоге 52,0%. Но нужно иметь в виду, что называемые в прошениях «причины» ходатайства на самом деле чаще всего являлись именно предложениями, Браки разрушались по многим причинам, не признаваемым законом в качестве уважительных, и приходилось изыскивать «привязку к закону». «Прелюбодеяние жены» в этом смысле было наиболее удобным предлогом, тем более что, выйдя из разрушившегося брака, женщины, конечно, не жили монашками. Женщины, при их меньшей грамотности и более бесправном положении, значительно реже мужей ходатайствовали о разводе.

Бракоразводные дела тянулись медленно, иногда много лет. В качестве примера назовем дела по Иркутской духовной консистории. В 1903 г. еще не были решены дела о разводе супругов-крестьян Киренского у Черкашиных (возбуждено в 1895 г.) и Березовских (велось с 1896 г.)¹ В 1917 г. исполнилось десять лет с момента возбуждения так и не законченного бракоразводного дела крестьянкой Балаганского у. А. Пономаревой.² Бюрократическая волокита была основной причиной многочисленных оттяжек с решением дел. Примем также во внимание, что крестьянам трудно было выбраться из дальней деревни в губернский город на необходимое для развода «судоговорение», представить нужные бумаги и т. д.

Во многих случаях бракоразводные дела завершались отказом Синода от расторжения брака. В 1913 г. во всей Сибири, включая города и сельскую местность, было официально расторгнуто и признано недействительными лишь 250 браков. В перечете это составит 0,35 развода на каждые 10 тыс. чел. православного населения.³ В сельской местности соответствующий показатель был намного ниже, поскольку в городах разводы были более

¹ ЦГИА, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 290, л. 1—25.

² Там же, оп, 85, II отд., 3 ст., д. 450, л. 14

³ Подсчитано по: **Всеподданнейший** отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. — Пг., 1915. — С. 26—27, 32—33 Соответствующий показатель по Российской империи в целом составил 0,38 на 10 тыс.

частым явлением. Обращает на себя внимание крайне малое количество живших в деревнях лиц, официально разведенных (см. табл. 3).

Крестьяне вынуждены были обходить закон: получили определенное распространение незаконные, фактические разводы. Наиболее типичные обстоятельства их появления таковы. Отведав «колотушек» от мужа, которого она часто и не знала совсем жена уходила к своим родителям или, будучи не принята ими, — в город, в другое село в услужение к чужим людям. Некоторые затем вступали в гражданский брак. Другой типичный вариант: муж, будучи очень недоволен женой, вступал в связь с другой женщиной, а потом вовсе уходил из семьи, иногда в другую местность. Фактический развод мог сопровождаться просьбой женщины к властям о выдаче ей отдельного паспорта (вида на жительство), без которого были крайне затруднены наем на работу в городе, поиски квартиры.¹

В начале XX в. в отчетах о состоянии сибирских епархий все чаще отражалось такое мнение церковных властей: «сожитительство с чужими женами и мужьями стало обычным явлением, разводы же принимают какой-то эпидемический характер».² Это, конечно, преувеличение. Основная масса брачных союзов крестьян, скрепленной общностью хозяйственной деятельности и необходимостью совместного воспитания детей, обычно выдерживала жизненные испытания и сохранялась до смерти одного из супругов. Общественное мнение всячески поддерживало традиционные представления (освященное и религией) о браке как союзе навечно о необходимости для супругов «жить советно». «Когда муж с женой бранится, тогда в горшке не варится», «Взял худую жену, держи за хорошую», «На что и клад, коль в семье лад»³, — руководствуясь подобными истинами, родственники, соседи старались примирить ссорящихся супругов.

Сельские общества в Сибири не склонны были одобрять не узаконенные разводы, но, как правило, не принимали каких-либо формальных мер к их запрещению. Более того, в некоторых случаях, убедившись в невозможности примирения супругов, волостные суды или сельские сходы во избежание «какого ни на есть греха» делили имущество супругов между ними и давали санкцию на их раздельное проживание.⁴ Дети при этом оставались у того из родителей, кто «оставался на хозяйстве» и был в силах их кормить и воспитывать.

Кратко остановимся на характеристике такого явления, как и прием в дом, в члены семьи посторонних, чужих людей. Необходимость в этом возникала в тех семействах, в которых не

чел.

¹ ГААК, ф. 184, оп. 1, д. 88, л. 1—6; д. 109, л. 65; и др.

² ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2389, л. 7—8.

³ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, рукописный отдел, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 12. (Далее: ИРЛИ); Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор... — С. 354; Ивановский В. Пословицы и поговорки — Вып. 15. — С. 6.

⁴ Государственный архив Иркутской области, ф. 143, оп. 1, д. 145, л. 50-51 (Далее: ГАИО); Костров Н. Л. Юридические обычаи... С. 27—28.

было собственных детей, особенно мужского пола, либо последние отделились и не помогали родителям в хозяйстве, не подавали надежды на то, что будут содержать их в старости. Было три варианта такого приема: «взять в дом зятя на дочь»; «принять в детищи» малолетнего ребенка, усыновив его; «принять вместо сына» взрослого парня, заключив с ним соответствующее соглашение.

Вхождение мужа в дом тестя «на жену» (матрилокальный брак) было довольно распространенным явлением в сибирской деревне, хотя преобладали патрилокальные браки, при которых жена уходила в семейство свекра, после чего часто следовало дробление этого семейства. Обычно в дом к тестю или теще принимали зятя, специально избранного для этого из среды бедноты, иногда из батраков, неполноправных в юридическом отношении ссыльных.¹ При этом могло иметь место заключение письменного или устного формального соглашения («завещания») о том, что принимаемый зять со своей женой получают в свое владение все или основную часть хозяйства и имущества в обмен на обязательство «давать старикам полное содержание при жизни и похоронить их по христианскому обряду; оплачивать подати и повинности... уплатить ту или иную сумму частных долгов, не продавать чего-либо из имущества при жизни завещателя, без его согласия и т. д.»² Примерно такие же соглашения заключались при «вхождении в дом на сыновей» не зятьев, а племянников, других родственников или посторонних лиц.

Однако такие формальные соглашения включались далеко не всегда и не повсеместно. Прием в дом людей, стоявших на более низкой ступени социальной лестницы, часто превращался в скрытую форму бесплатной эксплуатации их труда. Типичный пример содержится в дневниковой записи ссыльного в д. Ярковой-на-Чадобце Пинчугской вол. Енисейского у. одноименной губ. Л. А. Савельева за 1915 г. Она повествует о том, как один из богатых, но бездетных яркинцев брал одного за другим подростков-сирот «на сына». Не оформляя бумаг об их усыновлении и не заключая никаких соглашений, он эксплуатировал некоторое время приемышей как работников, а потом прогонял. Когда за подростков вступился сельский сход, богатей переменял тактику и переманил к себе «на хозяйство женатого парня».³

Усыновление малолетних детей, особенно мальчиков — будущих работников, наследников и кормильцев, было повсеместным и довольно частым явлением в селах Сибири.⁴ Бездетные и малодетные брачные пары брали «восприемных детей»,

¹ См.: **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 1. Вып. 2. — С. 99; **Лебедева Н. И.** Хозяйственный быт Приангарья (XIX — нача. XX в.) // Быт и искусство русского населения... Ч. 1. С. 81

² **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 4. — Вып. 2 С. 155—156; 1890. — Т. 2. — Вып. 3. С. 129

³ **Центральный** гос. архив литературы и искусства СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 178л. 9. (Далее: ЦГАЛИ).

⁴ ГАТО, ф. 10, оп. 9, д. 21, 25, 28, 33, 54 и др.; ф. 196. оп. 39, д. 36, л. 2; АГО разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 21; **Воробьев И. И.**

«покормленников приемщиков» (так называли здесь приемышей) из числа сирот оставшихся после смерти родителей — родственников усыновителей. Но имело место и усыновление от живых родителей, причем соответствующее письменное соглашение заключалось далеко не всегда. Многодетные и сильно материально нуждавшиеся бедняцкие семьи иногда соглашались уступить ребенка односельчанам, причем бывали случаи и «запродажи» его за хлеб, за деньги.¹ «Покормков» и «покормушек» брали в различном возрасте от грудных (в Приангарье — «после третьей бани») до подростков. Закреплялся акт усыновления и удочерения «простою припискою усыновляемого к семейству усыновителя, без всякого участия судебной власти».²

В источниках отмечались факты, когда настоящие родители через некоторое время начинали требовать своих детей от воспитателя обратно, но крестьянские суды решали обычно такие дела в пользу усыновителя, особенно если приемыш сам изъявлял желание остаться у него.³ В некоторых местностях считалось, что усыновление чужого ребенка способствует появлению собственных детей. Когда свои дети рождались, некоторые из усыновителей начинали третировать «покормленков», выживать их из дому.⁴ Сельские общества и волостные суды вставали обычно в таких на защиту интересов приемыша, но иногда для этого требовалось, чтобы последний обжаловал действия своих обидчиков. Если же по малолетству или робости он этого не делал, то рисковал остаться на улице. Случалось, впрочем, и так, что в случае ссоры с приемным отцом приемыш убежал от него.¹

Приведенные выше материалы показывают, что матримониальное поведение русского крестьянства Сибири в той его традиционной форме, которая сложилась к 60-м гг. XIX в., к концу XIX — началу XX в. уже не вполне соответствовало новым социально-экономическим и правовым условиям жизни деревни. **Имели место инновации позитивного характера:** сближался брачный возраст и женщин, стабилизируясь в границах, близких к оптимальным; распадались слишком крупные семейные ячейки, в которых был силен произвол домохозяина; все чаще явочным порядком расторгались браки, основанные не на любви, а на хозяйственном принижении женщины. Деревенские жители стремились облегчить участь детей своих умерших родственников, обедневших соседей усыновляя их. В то же время уродливые условия эксплуататорского общества, бесправие крестьянства, произвол властей приводили к **консервированию ряда устаревших норм брачного поведения** (вступление детей в брак по воле родителей иногда в неподходящем возрасте, юридическая

Материалы по быту... С. 67

¹ См.: Горелов В. А. Структура и численный состав семьи. — С. 98; Загоскин М. В. Ответы на программу ... — С. 24. 28.

² ГАТО, ф. 10, оп. 9, д. 10, л. 3. См. также: д. 21.к 8; Государственный архив Красноярского края, ф. 244, оп. 1, д. 411, 12. (Далее: ГАКК)

³ См.: Костров Н. А. Юридические обычаи... - С. 33

⁴ См.: Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (селение Грановское) Иркутск, 1891. — С. 76—77

невозможность исправить ошибку при неудачной первой женитьбе и т. п.). Проявлялись негативные тенденции: длительное безбрачие многих бедняков участвовавшие случаи использования приема в дом зятьев, усыновления детей с целью эксплуатации даровых рабочих рук, распространение семейных раздоров. Они постепенно нарастали, хотя вызывали недовольство значительной части сельских жителей.

2. РЕПРОДУКТИВНОЕ И САНИТАРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Рождение детей, их вскармливание и лечение, усилия по поддержанию здоровья взрослых, продлению жизни стариков — эти стороны жизнедеятельности крестьянства Сибири протекали в крайне неблагоприятных социально-экономических, правовых медико-гигиенических условиях. Катастрофическое положение медицинского обслуживания сельского населения исследователи считают одним из феодальных пережитков, сохранившихся в эпоху капитализма в области надстройки.² До конца 80-х гг. XIX в Сибири вообще практически не было врачей, специально обслуживающих крестьянское население, больниц в деревнях. После учреждения в конце 80-х — начале 90-х гг. сельско врачебных частей, если судить по официальным данным о числе медицинского персонала, наблюдался некоторый прогресс в развитии сети медицинского обслуживания сельского населения (табл. 5)

Таблица 5.

Численность гражданского медицинского персонала в Сибири, абс.*

Год	В целом по Сибири				В т.ч. в сельской местности		
	Фельдшера	Акушерки	Врачи	Кол-во жителей, приходящихся на 1 врача**	Фельдшера	Врачи	Кол-во жителей, приходящиеся на 1 врача
1888	361	165	177	26313	134	23	...
1893	452	255	215	23238	289	49	...
1897	607	281	319	18181	350	110	48609
1903	714	210	443	15351	209	267	23315
1906	807	293	482	15406	535	189	35894
1910	1184	327	675	13260	788	234	34873
1913	1747	346	845	12535	1262	329	29112

*Подсчитано по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... год, — СПб., 1891-1915. За отсутствием данных в таблице не учтены акушерки, работавшие на селе, и оспопрививатели по всему региону Сибири.

** Рассчитано относительно численности населения на 1 января последующего года, в 1897г. — относительно числа жителей, зафиксированного всеобщей переписью населения. См.: Первая всеобщая перепись... — Т. 73, С. 18; Т. 74. С. 18; Т. 78. — С. 26; Т. 79. — С. 24; Т. 81. — С. 17-18.

¹ См.: Загоскин М. В. Ответы на программу... — С. 24.

² См.: Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). — Новосибирск, 1967. — С. 269.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что и в конце периода медиков в Сибири, особенно в сельской местности было крайне мало, даже по сравнению с Европейской Россией, где в 1913 г. на одного гражданского врача приходилось в целом по региону 6,3 тыс. жителей, в сельской местности — 18,8 тыс.¹ В различных сибирских губерниях и областях на один врачебный и участок приходилось в том же году от 21,1 до 57,4 тыс. деревенских жителей, от 10,3 до 48,6 тыс. кв. верст пространства. Радиус такого участка колебался от 57 до 121 верст. На всю Сибирь насчитывалось 252 аптеки, в том числе в селах - только 77². Поэтому ко всей Сибири вполне приложимы слова Минусинского врача Г. А. Фридмана о медиках юга Енисейской губ., Сказанные 1902 г.: «Всем нам известно, что возложенный на них труд физически невыполним, вследствие чего приносимая врачами населению польза ничтожна».³

Важно учесть также, что уровень квалификации части медиков невысок, не все они добросовестно относились к своим обязанностям, материальная база имевшихся лечебниц была крайне слаба. Не удивительно поэтому, что даже в тех редких случаях, когда предоставлялась такая возможность, крестьяне неохотно обращались к врачам и акушеркам: «лучше дома умереть, чем туда идти».⁴ Старообрядцы к тому же считали это грехом, даже не давали оспу прививать своим детям.⁵ Крестьянки с женскими заболеваниями стыдились обращаться к врачам-мужчинам.

Отсутствие эффективной медико-санитарной службы и устойчивая позиция, сложившаяся в этих условиях, заставляли крестьян самим овладевать простейшими приемами народной медицины, а в особо сложных случаях обращаться к своим деревенским лекарям — «знатким людям», «бабушкам», «шептуням», в некоторых районах также «инородцам»-шаманам, ламам.⁶ Большим уважением населения пользовались те «ладильщики», которые умели делать, массаж, ставить банки (глиняные горшки), лечить переломы, вывихи и ушибы, готовить настои из лекарственных трав. Однако деревенские знахари культивировали и многочисленные суеверия, бесполезные, а иногда и вредные для здоровья людей приемы и «способия» («лечебные» средства).⁷

Наблюдатели, имевшие возможность сравнивать санитарно-гигиеническое состояние сельских населенных пунктов и жилищ в Сибири и земледельческом центре страны, были

¹ **Отчет** о состоянии народного здоровья... за 1913 г. — С. 57.

² Там же. — С. 58,94.

³ **Труды** местных Комитетов... — 1903. — Т. 54. — С. 310.

⁴ **Сибирь**. — 1883.- 6 марта. См. также: ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 178, л. 25; **Центральный** гос. Военно-историч. архив СССР, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 28. (Далее ЦГВИА); **Санитарное** состояние Томской губернии за 1882г. // Том. губерн. Ведомости. — 1883.- 13 окт.

⁵ ЦГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 31—32; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1876-1877. С. 6; и др.

⁶ ГААК ф. 81 оп. 1, д. 76, л. 11; **Государственный**; архив Читинской области, ф. 1, оп. 2 врачебн. отд., д. 161, л. 12—13. (Далее: ГАЧО); **Научный** архив Читинского обл. краевед. музея, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 9.

⁷ См. крестьянство Сибири в эпоху капитализма. — С. 340—346.

единодушны во мнении, относительно более зажиточные сибиряки жили в большой чистоте и опрятности.¹ Они обычно имели более просторные и теплые дома и дворы; в избах настился деревянный пол, в них, как правило, не содержался скот; еженедельно жилища и мыли и скребли изнутри; два раза в год, кроме того, их белили гоили снаружи; до половины семей располагало собственными банями.² Все это способствовало сохранению здоровья людей.

Но, с другой стороны, действовал ряд специфических для Сибири факторов, негативно сказывавшихся на здоровье и продолжительности жизни крестьян. Так, в северных районах, где не выращивали хлеба и овощей, жители страдали от недостатка витаминов в пище. В глубоких речных долинах бассейна Лены недостаток солнечного света, йода в воде обуславливали развитие зоба. В Кулундинской степи во многих селениях летом не хватало хорошей воды для питья и т. д.

Большинство населенных пунктов просторно располагалось в удобных для жизни местах по берегам рек. Но повсеместно деревни и их околицы (поскотины) были сильно загрязнены различным мусором, особенно навозом, который редко вывозили на поля. Навозом загрязняли также озерную и речную воду, которую использовали для питья.³ Распространению эпидемий и эпизоотий способствовало обыкновение бросать погибавший от болезней скот прямо за околицей, не закапывая его или только прибросав землей.⁴ В глухих местностях во второй половине XIX в. еще встречались селения, в которых люди жили «в тесных, темных, сырых домах с малыми окнами, со слюдой в рамах вместо стекол, а в зимнее время с брюшиной».⁵

Наиболее неблагоприятными были санитарно-гигиенические условия в поселках и жилищах недавних переселенцев, а из социальных групп населения — в среде бедноты. Чиновник В. И. Дорофеев, знакомившийся в 1917—1918 гг. с условиями жизни в переселенческих поселках Кулундинской степи, писал так: «Квартирные условия в деревне в большинстве случаев антисанитарны: тут же... зимой — телята и ягнята, весной и летом — гуси, куры и утки. Воздух удушливый: помещения ни зимой, ни летом не проветриваются. <...> Летом миллиарды мух. Хозяйки помещения во многих случаях сморкаясь в руку, этой

¹ См.: **Материалы** для изучения... Западной Сибири.— Вып. 17. — С. 84; **Воронов К. С.** Томский и Каинский округа в медицинском отношении // Том. Губер. Ведомости. 1865, 16 апр.; **Латкин Н. В.** Красноярский округ Енисейской губернии СПб. 1890. - С. 43.

² Подробнее см.: **Крестьянство** Сибири в эпоху капитализма. — С. 308—311; **Липинская В. А.** Русское население... — С. 70—93.

³ См.: **Зверев В. А.** Экологические аспекты культуры и: образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни в XVII—начале XX в. - Новосибирск, 1986. — С. 82.

⁴ См.: **Воронов К. С.** Томский и Каинский округа... — 21 мая; ГАЧО, ф. 1, оп. 2.врачебного отделения д. 61, л. 12-13; **Костров Н. А.** Замечания о климате и болезнях в Алтайском горном округе в 1865, 1867, 1868 и 1869 гг. // Том. губерн. ведомости – 1871.-25сент.

⁵ **Отчет** о стоянии народного здоровья... за 1882г. — 1885. — С. 351-352.

же немытой рукой режет хлеб и вытирает пальцами посуду».¹ В источниках имеются многочисленные прямые указания на то, что заболеваемость и смертность были непомерно высоки «среди беднейшего класса населения» в связи с неблагоприятными санитарно-гигиеническими условиями дворов и жилищ, а также плохой обувью, одеждой и тяжелыми условиями труда.²

Крестьяне-сибиряки в своей массе питались лучше, чем их собратья по другую сторону Урала. В то же время разнообразие пищевого рациона и его калорийность сильно «зависели от достатка крестьянской семьи, ее социального положения».³ Если питание зажиточных было временами чересчур обильным, то в среде бедноты «чай бывает для гостей и в праздники, сами же варят разные суррогаты. Пища — хлеб и его видоизменения: бурдук, овсяный кисель; если коноплю сеют — с маслом, картофель, кислая (перебродившая опара), но эти блюда не каждый день. Чаше же хлеб с водой».⁴ Детское питание было особенно плохим. Матери из «нехватных» семей за недостатком времени и грудного молока к кормлению грудью очень рано присоединяли «искусственное — рожком причем нянька набирает молоко предварительно в рот для согревания... Точно так же маленьким детям дается и хлеб, предварительно разжеванный услужливой бабушкой или теткой, и потом руками мало-помалу кладется в рот ребенку...»⁵. Скисшее молоко из рожка скоро заменялось для ребенка той же пищей, которую употребляли взрослые крестьяне. «Голодает крестьянин, голодает жена, чахнут с голоду малые дети», — эти слова из прокламации Иркутского комитета РСДРП (1905 г.) правильно отражают ситуацию с питанием в бедняцкой среде.¹

Внешние по отношению к образу жизни условия, охарактеризованные выше, определяли основные параметры физического воспроизводства населения через посредство репродуктивного и санитарного поведения людей. Перейдем к рассмотрению этих сторон русского крестьянства Сибири.

В обществе, где действуют нормы демографического поведения традиционного типа, половые отношения считаются оправданными и рождение детей «законным» лишь в рамках официально зарегистрированного брака. В целом такая ситуация была характерна для сибирской деревни 60-х гг. XIX — начала XX в., хотя абсолютизации ее источники не допускают. Официальная статистика дает такие сведения: в 1862 г. один из каждых 35

¹ Государственный архив Новосибирской области, ф. 51, оп. 1, д. 44а, л. 16.

² Материалы для изучения... Западной Сибири. — 1889. — Вып. 2. — С. 19; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1883г. — 1886. С. 126; Отчет... за 1903 С. 40; и др.

³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. — С. 317.

⁴ Г. Экономический быт верхоленского крестьянина // Восточное обозрение. - 1884. - 12 июля.

⁵ Никитенко В. Верхоленский округ в прошлом столетии // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губ. — 1916. — № 10. — С. 28—29.

новорожденных младенцев в деревнях Тобольской губ. рождался вне брака.² В сельском православном населении Томской губ. в 1886 г. Количество незаконных рождений равнялось 3,2%, в Киренском окр. Иркутской губ. в 1873—1897 гг. - 6,5%.³ В 1902—1903 гг. в Енисейской губ. рождалось вне брака 8—9, в Тобольской — 3—4 из каждой сотни новорожденных.⁴ Впрочем, этой статистике нельзя придавать большого значения: невозможно установить число происшедших от «прелюбодеяния» детей у замужних крестьянок; большинство «незаконных» и «внебрачных» детей рождалось на самом деле в браке, официально не зарегистрированном.

Девушка, забеременевшая до замужества, безусловно, осуждалась в русской крестьянской среде, но обычно не подвергалась какой-либо публичной каре, хотя «домашним способом» родители могли наказать ее очень сурово. Сельский сход мог потребовать от парня надругавшегося над девицей, жениться на ней или давать содержание забеременевшей, а позднее — ребенку, но такие решения бывали редкими. Считалось безусловно обязательным сохранение плода до рождения — тот же сход иной раз специально вменял в обязанность родителей забеременевшей девушки присматривать за нею» с этой целью.⁵

Положение девицы с «суразенком», «заугольшем» (так называли сибиряки внебрачных детей) было в деревне очень сложным: не всегда ее соглашались держать в доме родители, оставалось мало шансов выйти замуж (на Алтае даже внучка женщины; родившей «сураза», считалась плохой невестой).⁶ Поэтому все же бывали случаи подпольного аборта, обычно на той стадии, когда факт беременности еще не был обнаружен публично. Помогали взтом иногда мать или другие женщины, которым доверялась девица. Применялись разнообразные средства, большая часть которых была пагубной для здоровья (поднимали через силу большие тяжести, пили с водой серу и порох, осуществляли хирургическое вмешательство с помощью веретена и т. п.).⁷ Не удивительно, что результатом таких действий часто становились серьезные физические травмы, потеря способности к деторождению, то и смерть подвергнутой «лечению» молодой женщины.

Основное внимание нужно обратить, конечно, на репродуктивное поведение крестьян в браке — здесь рождалось более 9/10 всех младенцев. В этнографической литературе широко

¹ **Партийный** архив Иркутского обкома КПСС, ф. 300, оп. 1, д. 97. л. 1 (Далее: ПАИО).

² Подсчитано по: **Ильин В.** Статистические сведения по Тобольской губернии за 1862 г. // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. - С. 348-349.

³ **Кокчулин К. К.** Естественное движение ... — С. 143.

⁴ **Статистика** Российской империи. — Вып. 66.— С. XVIII; Вып. 70. С. XVIII – XIX . 85

⁵ АГО, разм. 57, оп. 1, д. 19, л. 72; **Минусинский** филиал Государственного архива Красноярского края, ф. 32, 1, д. 4, л. 7. (Далее: МФ ГАКК).

⁶ См.: **Липинская В. А., Сафьянова А. В.** Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. — Л., 1978.- С. 187.

⁷ **Макаренко А. А.** Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии // Живая старина.- 1897.- Вып. 2. С. 242; **Костров Н.А.** Юридические обычаи... — С. 70; **Попова А. М.** Семейские. — С. 18.

утвердилось представление, согласно которому русская крестьянская семья дооктябрьского периода имела много детей. Этнограф Ф. Ф. Болонев, специально исследовавший семейный быт в Забайкалье, в обобщающем труде по истории крестьянства распространил этот вывод на всю Сибирь: «В семье детей было обычно много...»¹. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что речь скорее должна идти о большом количестве рождений. Видимо, следует согласиться с Б. П. Мироновым, который считает, что при относительно благоприятных условиях замужняя русская крестьянка рожала за свою жизнь в среднем от 6 до 10 детей², число же зачатий было больше — выкидыши и мертворождения были частым явлением. Однако это вовсе не означает, что большинство семей было многодетным — при очень высокой детской смертности (речь о ней пойдет ниже) выживали немногие дети. Подтвердим это утверждение данными о количестве детей в крестьянских семьях Тобольской губ., зафиксированном всеобщей переписью населения 1897 г. (табл. 6).

Таблица 6 содержит данные о соотношении брачных пар с различным количеством детей в наличном населении 95 сел и деревень. Учитывались дети, принадлежавшие главе хозяйства и его супруге (супругу), независимо от того, являлась ли эта брачная пара полной или второй супруг уже умер. Как видим, больше всего было однодетных семей. 76,4% домохозяев имело семье от 1 до 3 детей или не имело их вовсе, а относительно многодетными могли считаться лишь менее четверти брачных пар. И среднем на каждую брачную пару, вошедшую в расчет, включая бездетных, приходилось 2,3 ребенка, а на одну пару, имеющую детей, — 2,7. Разумеется, в данном случае этот показатель означает не общее количество детей, рожденных супругами в течение всего детородного периода, а то количество, которое к данному моменту родилось, выжило и еще не успело отделиться, обзаведшись самостоятельным хозяйством.

Таблица 6

Количество супружеских пар с различным числом детей у крестьян Тобольской губ. (1897г.)*

Кол-во детей у супруж. пары	Абс.	%
0	1046	16,7
1	1505	24,0
2	1195	19,1
3	1037	16,6
4	695	11,1
5	447	7,1
6	209	3,3
7	93	1,5
8 и более	40	0,6
Итого	6267	100

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. — С. 319.

² См.: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение... — С. 94—96

*Подсчитано по.: ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

Бездетность некоторой части семей, наряду с биологическими причинами, вызывалась высокой детской смертностью и последствиями подпольных абортов. Крестьяне считали, что бесплодие и бездетность - большое несчастье, и часто склонны были объяснять их «порчей», напущенной злыми людьми, «наказанием божьим» за грехи и другими сверхестественными причинами. Брачная пара без детей полноценной семьей не считалась, к бездетным относились с сочувствием как к обиженным, даже уродам. «Ведь вот имя не дает бог ребят — что поделаешь. А уже без ребят чо? - сама знаешь».¹ С «божественным произволом», впрочем, часто решались бороться: в народной медицине были известны лечения от бесплодия, не всегда, правда, рациональные.

Положительный прирост населения в деревне осуществлялся за счет компенсации бесплодия части женщин и высокой детской смертности большим количеством рождающихся детей, которых изо всех сил обычно старались сохранить и вырастить. «Семеро подле меня, восьмой на руках», «Семеро по лавкам — все Седуны» — такие поговорки отражали идеальную, с точки зрения основной массы крестьянства, ситуацию.² Однако в условиях социального разложения деревни в нижнем социальном слое и среди часто середняков складывалось убеждение, что большое количество детей — обуза и разорение для дома: их было очень трудно «поднять» в «упадающем» хозяйстве. В Зауралье в начале XX в. зафиксировано недовольство крестьян рождением двойни: «Беда на беду: два ребенка на году», «Что год, то ребенок, худой год — два».³ Этнографические материалы показывают, что в деревне пытались «лечить» не только бесплодие, но и частые роды.⁴ В Сибири складывалась ситуация, сходная с положением, отмеченным в некоторых районах Европейской России: многодетность осознавалась частью семей как большое несчастье.⁵

Однако эффективных способов ограничения рождаемости сибирская дореволюционная деревня практически не знала. В источниках и литературе отразился, собственно, лишь один довольно широко применявшийся крестьянками, но малоэффективный способ уберечь себя от скорой беременности — длительные (до двух—трех лет) сроки лактации.⁶ Доходившиеся слухи о распространении в городах контрацепции и легальных абортов в общественном сознании крестьян (особенно старообрядцев) вызывали

¹ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 110, л. 1.

² Урал в его живом слове. — С. 131.

³ Там же.

⁴ См.: Приходько П. Т. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Том. краевого музея. — Томск, 1927. — Т. 1. — С. 114.

⁵ См.: Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. — М.; Л., 1975. — Т. 15. — С. 153.

⁶ См.: Макаренко А. А. Материалы по народной медицине..., — Вып. 1. С. 100; Сабурова Л. М. Культура и быт

обычно резко негативную реакцию.¹ В их представлении женщины, вытравившие плод, сильно мучаются на том свете. Неродившиеся дети «глядят через ребры и говорят: «Мать наша... сгубила нас... на белый свет... не пустила нас...».²

В условиях, когда рождаемость складывалась стихийно, существовала довольно тесная зависимость между рождением детей и брачным, а также половым поведением. Интересно, что при более или менее равномерном распределении числа рождений по месяцам количество младенцев, родившихся в мае и летние месяцы, было все же несколько большим, в Томской губ. 1870—1880-х гг., например, в это время родилось 35,6% детей против 32,8% родившихся зимой и 31,6% в переходные периоды (март — апрель, сентябрь — октябрь). В 1886 г. летний максимум оказался еще заметнее — 36,5%.³ Данный факт объясняется тем, что наибольшее количество зачатий приходится осень и зиму. Именно в это время справлялось наибольшее количество свадеб. Этот период, свободный от сельскохозяйственных работ, и преимущественно земледельческой сибирской деревне был наиболее благоприятным для семейного досуга и любовных утех. Еще одну причину летнего максимума рождаемости писатель и этнограф Г. Д. Гребенщиков объяснял так: «Летняя страда для матерей была вдвойне изнурительной — надо жать, и косить, и молотить, когда ребенок уже на сносях. Потому рождались прежде времени, как раз к зиме».⁴

Действительно, забеременеть («поносить брюхо», «ходить в тягости, чижолой») для женщины вовсе не означало быть освобожденной от тяжелых работ: чаще всего трудовая семья не могла себе позволить такую поблажку — ни чьи руки не были здесь лишними. Кроме того, в народной медицине не было средств для точного определения сроков беременности и находившаяся «на сносях» роженица обычно работала «до последнего часу», пока почнут муки «взять».⁵ Принимать роды приглашали обычно «бабок-повитух», к которым традиционно предъявлялся ряд специфических требований: они сами должны были быть «детными матерями» вести высоконравственный образ жизни и т. д.

Обладая, как правило, большим опытом, «ходившие по бабушкам» женщины аккумулировали в своей практике ценные знания из области народного акушерства и пользовались доверием и авторитетом у односельчан. Однако анализ их приемов показывает и многочисленные слабые, а то и вредные стороны народного акушерства с его баней, в которую помещали рожениц, универсальным горшком на живот, питьем для роженицы из

русского населения Приангарья (конец XIX—XX в.). — Л., 1967. — С. 186.

¹ См., напр.: **Бондарев Т. М.** Спасение от тяжкой нищеты // Ежемесячный журнал. - 1914. — № 5. — С. 75.

² **Виноградов Г. С.** Смерть и загробная жизнь... — С. 314.

³ Подсчитано по: **Ефимов А. И.** Православное население ... — С. 11—13.

⁴ **Гребенщиков Г. Д.** Егоркина жизнь // Сибирские огни. — 1984. — № 12. С. 83.

⁵ **Виноградов Г. С.** Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // Живая старина. — 1915. — Вып. 4. — С. 358—360; Макаренко А. А. Материалы по народной медицине..., — Вып. 1. — С. 93; Восточное

пороха, размешенного в воде.¹ Такие приемы усиливали родильные муки и служили частой причиной смерти матери и младенца, покалечения последнего.

После родов некоторое время женщина считалась «нечистой», ей полагалось воздержаться от выполнения ряда обязанностей в хозяйстве (квашню месить, «корову нельзя доить шесть недель»), однако на практике это исполнялось только в тех семьях, где женщине было кем «замениться».² Во многих же случаях уже через три дня после рождения ребенка мать начинала совмещать уход за ним с обычными своими хозяйственными делами. Несмотря на то, что к присмотру за «челяденками» старались привлекать бабушек и старших ребятешек, «догляд» за малолетними детьми в деревнях был плохой, особенно в бедных семьях, где было «одинокое хозяйство», то есть одна женщина на семью. Поэтому ежегодно случалось множество несчастий с детьми: то обожгутся кипятком, «то мирно роющийся в пыли среди улицы ребенок попадет под колесо телеги, то, ползая по пустой избе падает в подполье, крышку которого забыла опустить торопившаяся на улицу маленькая няня. Немало поранений собаками и свиньями».³ Это увеличивало количество умерших, увечных и калек.

В селениях Сибири было немало лиц, не способных к физическому труду, — слепых, глухих, хромых, «сухоруких» и др. В 1894 г. в Ялуторовском окр. Тобольской губ. их приходилось 15,5 на каждую тысячу мужчин и 12,2 на тысячу женщин, причем дети до 14 лет составляли среди всех калек 11,1%.⁴ В Забайкальской обл. 1897 г. калек в сельском населении было 7,6%, в возрасте 17 лет включительно треть их составляли глухонемые, почти столько — дети и подростки с «убожеством» верхних и нижних конечностей.⁵ Дети в раннем возрасте, сильнее всего уязвимые для инфекций, часто болели оспой, корью, скарлатиной, дизентерией и другими остро - заразными болезнями.

После всего сказанного не удивительно, что смертность детей в деревне была громадной. Приведем лишь некоторые статические данные, свидетельствующие об этом. Среди православного населения Томской губ. в 1870—1880 гг. из каждой тысячи родившихся доживало до 1 месяца 944 мальчика и 954 девочки, до года — соответственно 764 и 793, до 5 лет — 669 и 702, до 10 — только 644 и 679.⁶ В 1902—1903 гг. в сельской местности Тобольской губ. в

обозрение. — 1902. — 22 янв.

¹ Из дневника народной акушерки // Сибирь. — 1886. — 16 марта; Отдел рукописей Государственной б-ки СССР им. В. И. Ленина, 542. 37. 12, 1915г., л. 79

² См.; **Виноградов Г. С.** Самоврачевание и скотолечение... — С. 360.

³ **Труды** местных Комитетов... — Т. 54. — С. 229. См. также: ККМ, о/ф. 7881, п. и. 110, л. 24—25; **Попова А. М.** Семейские. — С. 16.

⁴ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. — С. 801.

⁵ **Высочайше** учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. — СПб., 1898. — Вып. 6. — С. 94—96. (Далее: Комиссия Куломзина).

⁶ **Ефимов А. И.** Православное население ... — С. 22—23, 38.

возрасте до года умерло 54,9%, до 5 лет — 69,7, до 10 - 72,6% всех умерших. В Енисейской губ. в те же годы соответствующие показатели равнялись 49,2, 65,9 и 69,2%. Не дожив до года, из каждого десятка родившихся живыми младенцев в Енисейской губ. умирало 3,1, а в Тобольской — 4,0 чел.¹

Наиболее сильной детская смертность была в летний период и в самом начале осени. Так, в 1870—1880 гг. за 4 месяца с июня по сентябрь включительно в среде крестьян Томской губ. умирало 53,1% общего количества умерших в возрасте до года мальчиков и 54,9% девочек. В более старшем возрасте летнее преобладание смертности проявлялось не столь ярко и, кроме того, много умерших появлялось весной и в октябре.² Летом детскую смертность резко повышало совокупное воздействие сразу нескольких факторов. Это было самое голодное время года: старые продовольственные припасы закончились, а новый урожай еще не поспел. Вследствие интенсивных полевых и огородных работ присмотр за детьми был наихудшим, кормление нерегулярным. Когда начинали поспевать овощи, предоставленные сами себе и наголодавшиеся ребята ели их недозрелыми, немытыми. Летняя жара усугубляла ситуацию — создавались очень благоприятные условия для распространения кишечнополостных инфекций. Во множестве случаев дети умирали от дизентерии («кровавого поноса») именно летом. В 1904—1905 гг., например, 77% всех зарегистрированных случаев смерти от дизентерии в Томской и Иркутской губ., Акимолинской и Забайкальской обл. приходилось на три летних месяца.³

Громадная детская смертность воспринималась крестьянами как закономерное явление, но материнские чувства заставляли женщин искать возможности для спасения заболевших детей. В некоторых случаях обращение к рациональным приемам народной медицины, уход за «хворым» ребенком давали положительный эффект. Позитивное, хотя и крайне недостаточное, воздействие оказывали в конце XIX — начале XX в. усилия медицинских учреждений. Например, в 1903 г. в разных губерниях и областях Сибири были сделаны прививки от оспы (далеко не все, впрочем, успешно) 16—43 чел. из каждой тысячи жителей.⁴ В Забайкальском казачьем войске в 1909 г. фельдшерами было привито 65% новорожденных.⁵ Однако смертность складывалась в основном все же стихийно и, если сокращалась со временем, то крайне медленно.

Несколько повышалась, очевидно, и средняя продолжительность жизни крестьянского населения. Сибири. Но, к сожалению, в распоряжении историков-сибиреведов нет

¹ Подсчитано по: *Статистика Российской империи.* — Вып. 66. С. 262—275; Вып. 70. С. 262—275.

² **Ефимов А. И.** Православное население ... С. 12—17.

³ Подсчитано по: *Отчет о состоянии народного здоровья...* за 1904г. — 1906. С. 149—150; *Отчет ...* за 1905 г. — 1907. С. 151.

⁴ *Отчет о состоянии народного здоровья...* за 1903 г. — 1905. С. 41—43.

⁵ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 445, л. 161—162.

статистических данных, которые позволили бы вычислить этот показатель. В динамике можно рассматривать лишь распределение умерших по возрастам и то применительно к сравнительно небольшому региону - Киренскому окр. Иркутской губ. В этой местности во второй половине XIX в. со временем уменьшалась доля умерших в возрасте до года. В течение всех 25 лет с 1873 по 1897 г. больше умерших было в раннем детском возрасте. К 10 годам смертность сокращалась, а затем снова увеличивалась, достигая второго пика в 1873—1882 гг. в возрасте 30—40 лет, в 1883—1887 — в 40-50 лет, в 1888—1892 — в 40-60 и в 1893—1897 гг. — в возрасте 60-70 лет.¹ Иначе говоря, модальная продолжительность жизни заметно увеличилась за четверть века, хотя точного ее значения по имеющимся источникам и для Киренского окр. вычислить невозможно.

В крестьянском населении Томской губ. 1870—1880 гг. наибольшее количество умерших взрослых женщин приходилось на возраст 60—65 лет, взрослых мужчин — 65—70 лет, то есть модальная продолжительность жизни мужчин была выше.² Дифференцировав по полу данные Киренского окр., мы увидим, что ощутимое увеличение продолжительности жизни наблюдалось только у мужчин, у женщин же, как в начале 25-летнего периода, так и конце больше всего умерших приходилось на возраст 30—40 лет. Характерна и такая закономерность: смертность детей до года и стариков в возрасте старше 70 лет у лиц мужского пола была выше. В промежуточных же возрастных группах преобладала смертность у лиц женского пола, причем сильнее всего в возрасте 20—40 лет, где показатель смертности у женщин (54 чел. на тысячу умерших во всех возрастах) был выше, чем у мужчин (37 чел.), в полтора раза.³ В сельском православном населении Томской губ. умерших в детородном возрасте (15—50 лет) женщин было 1,4 раза больше на тысячу чел. всех умерших, чем мужчин этого же возраста.⁴

Высчитаем уровень преждевременной смерти взрослых крестьян, сравним этот показатель у мужчин и женщин Киренского окр., рассматривая его в динамике. В качестве границы между смертью преждевременной и смертью в определенной степени естественной при тогдашних условиях жизни в деревне возьмем возраст 60 лет, который статистики того времени обычно считали границей старческого возраста для крестьян мужского пола (у женщин таковым считали обычно возраст 55 лет). Вычислим долю жителей, умерших в возрасте 10—60 лет, в общем числе скончавшихся в возрасте старше 10 лет. Выясняется, что в 1873—1897 гг. 67,5% мужчин и 72,9% женщин в среднем 70,4% всего населения, благополучно пережив самый смертоносный детский возраст, затем умирали

¹ Подсчитано по: **Кокоулин К. К.** Естественное движение... С. 144-146.

² **Ефимов А. И.** Православное население ... С. 9.

³ Подсчитано по: **Кокоулин К. К.** Естественное движение... С. 144—146.

⁴ Подсчитано по: **Ефимов А. И.** Православное население... С. 9.

преждевременно, не дожив до 60 лет. Уровень преждевременной смерти взрослых в Киренском окр. во второй половине XIX в. почти не снижался.¹ Сходный показатель у православных крестьян Томской губ. в 1870—1880 гг., рассчитанный путем деления количества умерших в возрасте 15—60 лет на общее количество умерших в возрасте старше 15 лет, составил 58,6% у мужчин, 62,4% — у женщин.²

Более высокий уровень преждевременной смертности женщин складывался вследствие чрезвычайно тяжелого их положения. В земледельческой деревне эпохи капитализма в пролетарской и мелкобуржуазной среде женщина работница должна была неимоверно «напрягаться, из кожи лезть, надрываться над работой в ущерб своему здоровью и здоровью своих детей, чтобы сравняться по возможности с работником мужчиной в крупном, капиталистическом производстве».³ Наблюдатели отмечали, что непосильная работа, болезни, издевательства мужей, вечное недосыпание рано старили сибирских крестьянок: уже к 30 годам они «порядочно блекнут и стареют».⁴ Много крестьянок умирало во время родов или вскоре после них вследствие неоказания акушерской помощи, занесения инфекции и т. п.

Специфическим для мужчин фактором преждевременной смертности постепенно становилось пьянство: источники отмечают немало случаев смерти «от чрезмерного употребления вина» и несчастных происшествий, связанных с этим пороком.⁵ И все же основные причины смертности мужчин трудоспособного возраста были те же, что у женщин: тяжелый труд в неблагоприятных природно-климатических, социально-экономических и правовых условиях, плохая санитарно-гигиеническая обстановка, низкий уровень медицинского обслуживания. Эти факторы, действуя в комплексе, особенно повышали смертность всего населения во время неурожайных лет, а также в годы эпидемий.

Приведем наиболее яркие примеры. В неурожайном 1874 г. в сельском православном населении Томской губ. умерло жителей в 1,4 раза больше, чем в среднем за два предыдущих и два последующих года.⁶ В голодные 1891—1892 гг. коэффициент смертности в Тобольской губ., взятой в целом, достиг 53,5%, в то время как в относительно «нормальные» два предшествующие и два последующие года он составлял в среднем 37,7%. В сельской же местности смертность достигла в 1892 г. ужасающих масштабов —

¹ Подсчитано по: **Кокоулин К. К.** Естественное движение... — С. 144—146.

² Подсчитано по: **Ефимов А. И.** Православное население... — С. 9

³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 282—283.

⁴ **Латкин Н. В.** Крестьяне Восточной Сибири // Русская земля: Природа страны, население и его промыслы. - 2-е изд. — СПб., 1899. — Т. 10. — С. 82

⁵ ЦГВИА, ф. 330, од. 43, д. 1404, л. 29—30; **Комиссия** Куломзина. — Вып. 6. С. 100; **Костров Н. А.** Юридические обычаи... — С. 68; и др.

⁶ Подсчитано по: **Ефимов А. И.** Православное население... — С. 3.

скончалось 65,5 чел. из каждой тысячи жителей.¹

Что касается эпидемий, то отчеты, составлявшиеся медицинскими учреждениями на местах, показывают: ежегодно те или иные обширные местности Сибири подвергались массовой заболеваемости. Временами в деревнях до половины жителей не могло выйти на полевые работы в связи с «поветрей».² В 1913 г., по далеко не полным данным, в Западной Сибири умерло от дизентерии и «детского поноса» 30284 чел., от скарлатины — 12618, от кори - 12123, различных форм тифа (в основном брюшного) — 6386, коклюша - 5699, оспы — 3529, от дифтерита и остальных заразных болезней - 3093 чел. Смертность от эпидемий составила в этом регионе, таким образом, не менее 10%.³

Развитие эпидемий, распространенность венерических заболеваний цинги, зоба, других болезней существенно сокращали продолжительность жизни населения. Людей, доживших до глубокой старости, в селениях Сибири было немного (табл. 7), хотя, по данным 1897 г., и больше относительно общей численности населения, чем в сельской местности Европейской России. Таблица 7 показывает распределение стариков и старух в возрасте 80 лет и старше по пятилетним возрастным когортам. В целом они составляли 0,9% мужского и 0,8% женского населения Сибири.

Таблица 7

Количество жителей престарелого возраста в Сибири (1897.), абс.*

Возраст, лет	В целом по Сибири		В т. ч. в сельской местности	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
80-85	15247	14957	14405	13945
85-90	5626	4003	5239	3688
90-95	3259	3024	3091	2823
95-100	1287	844	1208	787
100-105	535	479	502	452
105-110	140	70	128	68
110 и более	34	40	33	40
Итого	26128	23128	24606	21803

*Подсчитано по.: **Первая** всеобщая перепись... - Т. 73. -С. 9.; Т. 74.- С. 9.; Т. 75.- С. 9. Т. 78. - 13; Т. 79. - С.13; Т. 91. - С. 9.

Доживая свои дни, пожилые крестьяне обычно не претендовали на ведущую роль в хозяйстве и семейной жизни, но стремились быть полезными в семье до последних своих дней. «Старость не радость, не красны дни», «Пора костям на место», «От смерти не

¹ Подсчитано по: **Отчет** о состоянии народного здоровья... — 1891 —1898. В качестве среднего населения за 1889—1890 гг. взято население губернии на 1 января 1890г., за 1891—1892 — на 1 января 1892г., за 1893—1894 гг. — на 1 января 1894г.

² **Материалы** для изучения... Западной Сибири. — Вып. 2. — С. 102.

³ Подсчитано по: **Отчет** о состоянии народного здоровья... за 1913г.—С. 68— 69.

откупишься», «Уж не в кон живешь, а из кону», — сетовали старики,¹ но промышляли рыбу бреднем, мордами и самоловами, мелких зверей и птиц ловушками, заводили пасеку, занимались каким-нибудь обрабатывающим промыслом, не требующим больших физических усилий. Старушки много работали летом, когда на них ложились обязанности «по домашности» — трудоспособные крестьяне были заняты в поле и на огороде. Общась с внуками и правнуками, с соседскими ребятами, пожилые люди передавали им народную культуру, собственный богатый жизненный опыт. Дряхлая и становясь иногда обузой для большой семьи, старики готовились к смерти — сколачивали «домовину», шили «смертную рубаху», а потом незаметно уходили из жизни. «Жила бабушка — не мешала, а умерла и кровать (иногда — «голбец». — **В. З.**) опростала», — такая поговорка бытовала повсеместно в Сибири.²

Рассмотрим показатель, интегрирующий количественные сведения о рождаемости и смертности и выявляющий их соотношение в сибирской деревне — естественный прирост населения. Исследователи-сибиреведы отметили следующие особенности естественного движения населения Сибири эпохи капитализма. В целом ему были присущи характерные для традиционного типа воспроизводства почти предельно высокая для тогдашней возрастной и половой структуры населения рождаемость и высокая смертность. В первые три пореформенные десятилетия разность этих двух величин в Сибири была небольшой, и естественный прирост колебался в отдельные годы от 6 до 15%, заметно уступая Европейской России. Минимумы прироста приходились на малоурожайные 1864, 1870, 1874, 1888 гг., а также на некоторые непосредственно следующие за ними годы. Поскольку горожан было немного, указанные закономерности, очевидно, формировались в сельском населении. В 90-х гг. XIX в. в условиях некоторого повышения уровня развития крестьянского хозяйства естественный прирост населения (в основном за счет сокращения смертности) существенно вырос, хотя были заметны спады его в неурожайные 1896 и 1900 гг.³

В конце XIX и особенно в начале XX в. сокращались смертность крестьянства Сибири. Одновременно стала расти рождаемость — очевидно, за счет усиленного притока переселенцев: в их среде была высока доля молодых людей, недавно образовавшихся семей. Сибирь по рождаемости и естественному приросту населения прочно вышла на ведущее

¹ АИЭ, д. 344, л. 4—5; д. 345, л. 10; ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 9; **Чеканинский И.** Енисейские старины и исторические песни // Этнографическое обозрение, 1915. — № 1/2. — С.110

² ИРЛИ, к. 78, п. 7, № 640, л. 4; **Арефьев В. С.** Материалы по этнографии Енисейской губернии // Известия Вост.- Сиб. отд. Рус. геогр. О-ва.-1901. — Т. 32.-№ 1/2. — С. 107; **Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.** Старый фольклор...- С. 348; **Ивановский В.** Пословицы, и поговорки... — 1912. — вып. 22.- С. 12.

³ См.: **Пронин В. И.** Население Сибири за 50 лет (1863 — 1913 гг.) // История СССР. - 1981 № 4. - С. 63—64.

место в стране, обогнав как Европейскую Россию, так и другие регионы.¹

Сгруппировав данные о естественном движении населения Европейской России и Сибири по 4—5-летним периодам, мы получим возможность увидеть некоторые из указанных выше-закономерностей более наглядно (табл. 8). В таблице 8 рождаемость и смертность измерены, отношением годового числа живорожденных и умерших к средней численности населения за этот год.² Показатели за 4—5-летние периоды равны средней арифметической соответствующих годовых показателей. Хорошо видно, что как во всем, так и в отдельно взятом сельском населении Сибири и Европейской Росси, начиная с 90-х гг XIX в, действовали противоположно направленные тенденции. К западу от Урала шло сокращение естественного прироста: рождаемость сокращалась быстрее, чем смертность. В Сибири же прирост увеличивался одновременно с некоторым ростом рождаемости при отсутствии четко выраженной тенденции к сокращению смертности.

Таблица 8

Естественное движение населения в крупнейших регионах Росси,*

Годы	Сибирь**			Европейская Россия		
	Родилось	Умерло	Естест. прирост	Родилось	Умерло	Естест. прирост
В целом по региону						
1887-1891	47,4	32,2	13,2	47,9	33,1	14,8
1892-1896	49,2	34,2	15,0	46,4	27,0	19,4
1897-1901	49,9	32,0	17,9	46,8	30,0	16,8
1902-19+05	47,6	31,2	16,4	45,8	29,4	16,4
1906-1910	52,7	33,9	18,8	44,1	28,3	15,8
1911-1914	50,9	31,5	19,4	40,2	24,6	15,6
В т. ч. в сельской местности						
1902-1905	48,0	30,9	17,1	47,1	29,8	17,3
1906-1910	53,1	33,5	19,6	45,2	28,5	16,7
1911-1914	52,2	31,9	20,3	41,6	25,0	16,6

*Подсчитано по по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... год – 1889-1916

**В 1887-1891 гг. – без Забайкальской обл.

Военные действия 1904—1905 гг. и особенно первая мировая война нарушали обычное течение демографических процессов. Призыв в армию большого количества мужчин,

¹ См.: **Горюшкин Л. М.** К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. - новосибирск, 1975. — С. 78—80; **Воробьев В. В.** Формирование населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1975. — С. 158 — 160, 178; **Пронин В. И.** Население Сибири... — С. 64—65; и др.

² В одной из наших статей приводятся другие данные. Они были измерены отношением годового числа рожденных и умерших к численности населения на 1 января последующего года. (См.: **Зверев В. А.** Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец, XIX—начало XX в.) // Город и деревня в досоветский период. — Новосибирск, 1984. С. 104, табл.1).

ухудшение положения оставшихся «за главных» в хозяйстве женщин и подростков, учащавшиеся эпидемии, плохое питание сокращали количество родившихся детей, повышали вероятность умереть. Исследователь Д. Мерхалев установил, что уже в 1915 г. в сельской местности Сибири рождаемость составила лишь 82% от уровня трех предыдущих лет, в 1916 и 1917 гг. падение рождаемости продолжалось, она равнялась соответственно 67 и 65% от довоенного уровня. Коэффициент рождаемости составлявший в 1912—1914 гг. в Енисейской губ. 57% сократился здесь в 1915 г. до 47, в 1916 — до 37 и в 1917 г. — до 36%.¹ Сильное сокращение, рождаемости стало доминировать среди факторов, определявших уровень естественного прироста. Оно привело, в частности, и к значительному сокращению смертности: не родившись, дети не могли и умереть, а ведь именно высокая детская смертность обуславливала непомерно высокий уровень смертности всего населения в изучаемый период. В 1917 г. в деревнях и селах Томской губ. (без Алтая) - естественный прирост составил лишь 12.4% при рождаемости 29,1 и смертности 16,7%.²

Глава II. С НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА

1. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

«Детей носить - не ветку заломить», «Дай бог сына, да дай бог и ума», - говорили сибирские крестьяне.³ Они понимали, что воспитание детей - ответственное и нелегкое дело, требующее от родителей немалых знаний и умений, терпения и здоровья.

Дети подростки составляли в изучаемый период чуть не половину всех деревенских жителей Сибири (табл. 9). В таблице 9 население деференцировано в соответствии со статистической практикой второй половины XIX — начала XX в., в данном случае относительно правильно отражающей реальную экономико-демографическую ситуацию и взгляды крестьянской среды. Кроме младших детей (до 7 лет), выделены дети школьного возраста (мальчики 7-13 и девочки 7-11 лет включительно), подростки мужского пола в возрасте 14-17 и женского — в возрасте 12—15 лет. С 18 лет парни и с 16 лет девушки считались уже «полными работниками» Для их характеристики в быту часто применялись также термины «боец» (работоспособный член семьи мужского пола, наделенный землей и обложенный всеми повинностями) и «стряпка» (трудоспособная женщина рабочего возраста).⁴ Мужчины старше 60 и женщины старше 55 лет считались уже глубокими

¹ Мерхалев Д. Рождаемость за время войны... — С. 100-110. Сибирь здесь взята в границах Иркутской, Енисейской и Алтайской губ. (последняя образована в 1917 г. Путем выдела из Томской).

² Подсчитано по: **Сборник** статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губернии за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 годы. — Томск, 1928, С. 185—186.

³ АИЭ, д. 344, л. 2; ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 3, л. 7; **Ивановский В.** Пословицы и поговорки... — Вып. 22. — С. 11.

⁴ См.: **Материалы** для изучения... Западной Сибири. — 1890, — Вып. 9.—С. 378; 1891. — Вып. 10. — С. 242; 1893. — Вып. 20. — С. 257; Анучин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия // Изв. Краснояр. подотд. Вост.-Сиб.

стариками.

Таблица 9

Соотношение лиц различного возраста в населении Сибири (1897)*

Возрастная кагорта	В целом по Сибири				В т. ч. в сельской местности			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Дети до 7 лет	564337	19,2	570277	19,9	530118	19,6	535571	20,3
Дети школьного возраста	457628	15,6	326405	11,4	427950	15,8	305726	11,6
Подростки	228501	7,8	248546	8,7	210813	7,8	230113	8,7
Работники	1490334	50,7	1432610	50,1	1351234	50,0	1311495	49,6
Старики	196564	6,7	281831	9,9	182685	6,8	258872	9,8
Не указано	1623	0,0	1144	0,0	1368	0,0	1030	0,0
Итого	2938987	100	2860813	100	2704168	100	2642807	100

*Подсчитано по.: Первая всеобщая перепись... - Т. 73. - - С. 8-9; Т. 74. - С. 8-9; Т. 75.- С. 8-9; Т. 78.- С. 12-13; Т. 79. - С. 12-13; Т. - 81. - С. 8-9.

В 60—90-х гг. XIX в. возрастная структура сельского населения Сибири характеризовалась несколько меньшей долей детей и подростков, лиц рабочего возраста и большей долей стариков, чем в сельском населении Европейской России.¹ Однако на рубеже веков и, особенно в годы столыпинской аграрной реформы это положение значительно изменилось в результате массовой миграции: в Сибирь, переселялись преимущественно семьи молодые, со значительным количеством детей и подростков.²

Традиционная система воспитания, сложившаяся в русской деревне Сибири феодального периода, предполагали воспроизводство в новых поколениях тех же личностных качеств, которыми обладали их предки.³ В эпоху капитализма в этой системе происходили заметные изменения, но основа ее осталась прежней. Воспитательные функции старшего поколения заключались в физическом развитии, приучении детей и подростков к крестьянскому труду и передаче им своих трудовых умений и навыков, а также и формировании у молодежи определенных нравственных качеств. Идеальной целью нравственного воспитания был «тихий, послушный и религиозный ребенок»⁴, но крестьяне-сибиряки весьма своеобразно, в духе «народного православия» представляли себе суть религиозности. Они не отличались рвением в соблюдении церковных обрядов, ходили на «помочи» в праздники и выходные дни и т. д.

отд. Рус. геогр. о-ва. — 1904. — Т. 1. — Вып. 6. — С. 40.

¹ См.: Зверев В. А. Особенности естественного движения... - С. 106.

² См.: Зверев В. А. Влияние переселения в Сибирь на демографическое поведение крестьян в конце XIX начале XX в. // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985г. - С. 77-79.

³ См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... — С. 139—156.

⁴ Герасимов Б. Г, В долине Бухтармы // Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб.отд. Рус. геогр. о-ва. — 1911. — Вып. 5. — С. 57.

Процесс воспитания осуществлялся поэтапно. Существовали своеобразные «комплексные эталоны» качеств личности, ревлизующихся в её поведении, для представителей различных возрастных групп. «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат - всю жизнь так (будет. — **В.З.**)», — лаконично выражалось существо этого принципа.¹ От каждого человека деревенская среда требовала соответствующего его возрасту, общественному и имущественному положению образа жизни.

Самый ранний этап социализации детей (в грудном возрасте) сами крестьяне обозначали терминами «пестование», «наставание», «водня».² Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление ребенка грудью или из рожка, мытьё, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом – в подвешенной к потолку на «очипе» (тонком березовом шесте) зыбке. Сюда нужно добавить еще некоторые приемы, напоминающие физзарядку и массаж, предназначенные как для физмческого развития, так и для поддержания у ребенка в часы питания радостных эмоций. Большинство этих приемов исполнялось и дополнялось исполнением произведений материнского фольклора. Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, прибаутки и докучные сказки) — эффективное средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребенка³.

Важнейшим средством социализации на втором этапе (в возрасте примерно с 2 до 7 лет) являлись детские игры, много десятков которых бытовало в сибирской деревне. Старшие обеспечивали детей лишь небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность остальное изготавливать самим. Делая игрушки, дети познавали и учились использовать свойства природных материалов, выделять существенные атрибуты окружающих людей, животных и предметов. Они внимательно наблюдали за многообразной жизнью деревни и имитировали ее в своих играх в пахоту и в жатву, сенокос, охоту, обозы торговлю, в свадьбу, «в клетки» (т. е. в домашнюю, семейную жизнь) и т. д. Старшие, редко непосредственно вмешиваясь в детские игры, старались присматриваться к ним и таким образом изучали своцтва ума и характера, физические возможности своих и соседских детей. Глубокий педагогический смысл имел контроль взрослых за игровым репертуаром. Так, в Тулунской вол. Нижнеудинского у. Иркутской губ. детям не позволялось играть «в могилки» считалось, что таким образом можно наворожить смерть родителей.⁴ Многочисленные спортивные игры, частое купание детей в речках и озерах продолжали

¹ АИЭ, д. 69, л. 14.

² См.: **Азадовский М. К.** Сказки Верхнеленского края. — Иркутск, 1925. —С. 140—141, 396; **Молотилов А.** Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каннского уезда Томской губернии) // Труды Томского о-ва изучения Сибири. — Томск, 1913. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 177 и др.

³ Подробнее см.: **Мельников М. Н.** Русский детский фольклор. — М., 1987. —С. 15—53.

⁴ См.: **Виноградов Г. С.** Смерть и загробная жизнь... — С. 278.

линию физического развития.

Важнейшую роль играло совместное со старшими проведение досуга. В моменты перерывов в хозяйственных и общественных делах, в праздничные дни проходили в крестьянских избах и на деревенских улицах красочные обрядовые действия, в которые вовлекались все, от мала до велика. Длинными зимними вечерами члены семьи, собравшись вместе и не оставляя индивидуальных занятий, пели, рассказывали сказки, былички и бывальщины, загадывали друг другу загадки. Здесь продолжали приобщаться ребята к богатствам народного искусства, а заодно впитывать в себя те культурные нормы, которые пропагандировал фольклор. Нравственные наставления взрослых приобретали, таким образом, опосредованный характер, облекались в высокохудожественную форму и потому были очень действенными. На всю жизнь врезались в память детей такие, например, поговорки: «Как заживешь так и заслынешь», «Живи для людей, проживут и люди для тебя», «Живи так, чтобы ни от бога греха, ни от людей стыда».¹

Третий этап воспитания детей, начинавшийся примерно с 7—8 лет, был настоящей школой крестьянского труда. Конечно, еще раньше в большинстве семей ребята привлекались к тем или иным работам в доме, во дворе или в огороде. Известны, например, многочисленные случаи, когда уже на плечи 3—5-летних детей ложилась забота о младших братишках и сестренках.² Однако именно в 7—8 лет, когда немного окрепли физические силы и «доспели сметки» ребенка, его участие в хозяйственной жизни семьи становилось делом повседневным и обязательным, причем со временем это участие последовательно усиливалось.

Исследовательница крестьянского быта М. В. Краспоженова в начале XX в. предложила ребятам 8—11-летнего возраста в с. Батон неподалеку от г. Красноярска сообщить, что они делают дома в разное время года, и получила следующие ответы. Весной девочки помогали садить, поливать и полоть в огородах, пропалывать пашни. Мальчики помогали пахать, боронить, ездили на дровосек. Летом у девочек «много работы и заботы: первым делом, когда встают — идут давать курам, гусям и индюшкам, уткам корму. Когда родители поедят, девочки убирают со стола, принесут с печки воды, моют в избах, поливают в огородах, ставят самовар» и т. д.³ Во время страды работы еще прибавлялось: пропалывали и помогали убирать огородные овощи, хлеб и картофель на поле. Зимой девочки приносили в дом дрова, топили печь, подметали пол, грели самовар. Здесь не названы обязанности детей по уходу за крупным скотом, по заготовке сена, промысловые обязанности — в местности, где

¹ АИЭ, д. 344, л. 3; д. 345, л. 17; ИРЛИ, к. 78, п. 4, № 640, л. 27; Кузнецов Е. Пословицы и поговорки жителей Тобольского округа // Тобол, губерн. ведомости.— 1866. — 3 дек.

² НГПИ, д. 6, л. 20—21; ПАИО, ф. 393, оп. 5, д. 528, л. 3—4; Этнологическая секция в 1924г. // Сибирская живая старина. — 1925. — № 3/4. — С. 198; и др.

³ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 110, л.

производился опрос, жители специализировали хозяйство на полеводстве и огородничестве. Во многих же других местностях Сибири девочек, например, заставляли очень много прясть - «на гребешках душили», «замаривали за прялкой», как поминали в последствии.¹

В деревне было большое количество работ, которые выполнялись исключительно детьми определенного возраста. В земледелии, например, боронование и заделка семян производились мальчиками (если их в семье не было — девочками) 7—12 лет, поэтому их так и называли «борноволок».² Важнейшей обязанностью девочек в этом возрасте было пестование младших детей. Вырастая, те даже в зрелых годах и старости называли старшую сестру не по имени, а «няня», «нянька».³ Игры продолжали оставаться средством социализации и в этом возрасте, но значение их суживалось. У многих детей прибавившиеся заботы вообще не оставляли времени, чтобы играть со сверстниками.

Взрослые изготавливали и приводили в порядок хозяйственный инвентарь, которым пользовались дети, причем во многих случаях специально делали маленькие (по росту и силам ребят) прялки, косы-литовки, грабельки, тяпки.⁴ Переход к их использованию от тех игрушечных орудий труда, с которыми дети имели дело в предшествующий период, был естественным. Старшие старались включать детей в хозяйственные работы постепенно, на каждом инструктируя и поначалу присматривая за тем, как идет дело, помогая в операциях, которые «сарыни» были еще не по силам.

Детям поручались обязанности, которые, кроме них, некому было выполнить, и они в реальной практике познавали меру своей ответственности за благосостояние всех «домашних», за жизнь и здоровье маленьких, за порядок в избе. Предъявляя жесткие к объему и качеству работы, срокам ее выполнения. Проявляли последовательность и настойчивость: считалось недопустимым «потакать» детским слабостям.⁵ Раннее включение детей в хозяйственные работы было объективно обусловленной мерой, жизненной необходимостью для крестьянского двора. Но собственно воспитательный смысл такого включения крестьянами обычно тоже осознавался. Будучи не «понарошку», а всерьез введенными в семейное и общественное производство, в реальные семейно-экономические а через них — в общественно-экономические отношения, дети «сызмальства» усваивали не только технологию процессов, но и свое место, позицию своей семьи, артели, общины в производственных отношениях.

¹ Отдел письменных источников Государственного Историч. музея, ф. 475, оп. 1, д. 1, л. 13; НГПИ, д. 3, л. 78.

² **Материалы** для изучения... Западной Сибири. — Вып. 9. — С. 210; **Патканов С. К., Зобнин Ф. К.** Список тобольских слов, и выражений // Живая старина, — 1899. — Вып. 4. — С. 488; **Сабурова Л. М.** Русское, население Приангарья // Быт и искусство русского населения... — Ч. 1. — С. 35—36.

³ **Григоровский Н. П.** Крестьяне-старожилы... — С. 16; **Майнов И. И.** Крестьянская свадьба по реке Илим (Иркутской губернии) // Живая старина. - 1914. Вып. 1/2. — С. 49; **Станиловский А. М.** Записки, — Иркутск, 1912. - С. 109.

⁴ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 69; НГПИ, д. 3, л. 46—47, 67, 72; д. 6, л. 28,35

⁵ См.: **Виноградов Г. С.** Народная педагогика. — С. 12; **Молотилов А.** Говор русского старожилого населения... — С.

К моменту вступления в подростковый возраст дети обычно уже владели основа большинства знаний и умений, необходимых для того, чтобы быть «хлебопашцем» и «промышленцем», вести дом и т. п. Однако опыта, навыка хозяйственных работ у них было ещё маловато, физические возможности были небольшими. Лишь в самых общих чертах разбирались дети во внешних, в том числе рыночных связях семенного хозяйства, в его бюджете.¹

Четвертый этап социализации новых поколений, приходящийся на подростковый возраст, можно назвать временем созревания и тренировки.

Подростки продолжали входить во все тонкости тех дел, которые им поручались с детства. Но теперь они приобщались и к таким трудовым операциям, которые требовали большой физической силы, выносливости, длительного расставания с семьей. Обязанностью мальчиков-подростков время от времени становилась работа взрослых мужчин - пахота, охота в дальних «ухожьях», серьезный рыбный промысел, трудоемкие операции в обрабатывающих промыслах. Девочек-подростков в некоторых семьях привлекали к приготовлению пищи. Крестьянка А. М. Михалева, вспоминая о своем детстве в семье родителей - переселенцев с Тамбовщины в с. Ершово Барнаульского у. Томской губ. в начале века, рассказывает: «Готовить-то меня мать учила. И как квашню поставить, и как тесто замесить; говорила: «Анютка, припоминай все. Пойдешь замуж, все сгодится. Да каждый день одно и то же не готовь, надоест». Я все перенимала от матери. Из одного теста могла десять блюд сготовить».² Однако иногда девочек и девушек до замужества к приготовлению пищи не допускали — они учились кулинарному искусству у свекрови и старших снох уже в доме мужа, помогая им на первых порах.³

Важной заботой подростков и их родителей являлась подготовка к женитьбе и замужеству. Девочкам нужно было изготовить большое количество приданого - в основном «тканины» и вышивки разного рода. Собираясь вечерами с подругами на «посиделки», они вместе пряли, вышивали полотенца и рубашки, ткали холсты и при этом делились друг с другом теми секретами мастерства, которые им передали к тому времени бабушки, матери и старшие сестры. Бывало, что на таких посиделках присутствовали и девушки постарше, взрослые женщины со своим «заделем» и подавали пример юным. Сами подростки, в свою очередь часто посещали в качестве зрителей посиделки и вечерки молодежи.

Внимательно прислушиваясь к разговорам «домашних», соседей о семейной жизни, подростки как бы «примеряли на себя» обсуждавшиеся ситуации или случаи, которые,

206.

¹ См.: **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — 1890.—Т. 2. — Вып. 5. — С. 178; **Шлихтер А. Г.** Экономическое положение крестьян Туруханского края. — Красноярск, 1914. — Ч. 1. — С. 2.

² НГПИ, д. 5, л. 46.

³ **Липинская В. А.** Русское население... — С. 188, 192

постоянно возникали на их глазах. Часто родители специально заводили разговоры на тему о женитьбе. Крестьянка М. М. Швидкая, жившая в начале века в с. Александровском Каннского у. Томской губ., вспоминает, что ее мать рассказывала подраставшим дочерям «о своей жизни до замужества, как ее сватали, везли в дом мужа... Говорила, что девочкам надо готовить приданое, как вести себя в доме мужа, как угождать свекрови вовремя подать, приготовить вкусно обед, расшить рубаху мужу и т. д. Мать рассказывала девочкам, сколько много ей приходилось работать у свекрови...».¹ Но вопросы половой гигиены, интимной супружеской жизни ни матери с дочерьми, ни отцы сыновьями не обсуждали.

Хотя по закону совершеннолетними молодые люди считались с 21 года, к 18 годам парни и к 16 годам девушки уже почти во всех отношениях были готовы к выполнению тех ролей, которые им уготовила судьба: родителей и воспитателей своих детей, работников, членов деревенского «общества», коллективных творцов искусства и др. Для значительной части молодежи выход из подросткового возраста совпадал со вступлением в брак и затем - созданием собственной семьи. У большинства же до брака оставалось еще некоторое время. Оно проходило обычно либо на службе (у значительной части парней), либо в неустанном труде в семье родителей, старшего брата.

Представляют интерес данные о физическом развитии крестьянских юношей, достигших совершеннолетия. В начале изучаемого периода, 1863-1868 гг., военные власти отмечали «благоприятное сочетание» относительно высокого по тем временам роста и здоровья у рекрутов, взятых в армию из сибирских губерний. Если в среднем по стране было забраковано за «неуказанный» рост (менее 2 аршин и 3 вершков, т. е. 155 см.) 25,5% представленных к набору, то в Сибири - только 9,9%. По телесным недостаткам в Сибири было забраковано 42,1 чел. из каждой тысячи, по хроническим болезням — 45,8 чел. В то же время в среднем по стране соответствующие показатели составили — 78,4 и 81,8%.² Рост у принятых 1877—1881 гг. на военную службу православных Томской губ. чаще всего колебался между 164 и 169 см.³ В 1913 г. из числа призывников, подвергшихся медицинскому освидетельствованию, в Сибири было признано безусловно годным к военной службе по состоянию здоровья 46,2%, в целом же по стране - 45,2%.⁴ Приведенные цифры и многочисленные описательные источники¹ показывают, что, несмотря на некоторую выигрышность ситуации в Сибири, здесь было немало людей, вступавших в самостоятельную жизнь со слабым здоровьем.

В среде молодежи, не вступившей в брак сразу по достижении рабочего возраста,

¹ НГПИ, д. 3, л. 46-47.

² **Военно-статистический** сборник / Под общей ред. Обручева Н.Н. СПб, 1871. – Вып. 4. – С. 33-34.

³ Подсчитано по: **Ефимов А.И.** Православное население... С. 43.

⁴ Подсчитано по: **Отчет** о состоянии народного здоровья... за 1913г. – С. 315

преобладало коллективное общение, часто имевшее обрядовые, наполненные фольклором формы (посиделки, вечерки, хороводы, зимние катания и др.)² Во время совместных работ, на многочисленных сборищах в свободное время молодые лучше узнавали себя, характер своих друзей и подруг, накапливали сердечных радостей и разочарований. «Игры на полянке вечерки, постоянное общение друг с другом сближают молодежь и создают определенные симпатии», — отмечал очевидец в начале XX в.³ Старшие старались держать под контролем поведение молодежи в этот ответственный период, причем в особо строгих старообрядческих семьях даже не пускали девушек на вечерки.⁴ Но во многих случаях контроль не был столь строгим, что дало повод некоторым наблюдателям крестьянской жизни в Сибири сделать выводы о недостаточном внимании со стороны родителей ни сельских обществ к добрачным отношениям полов и «распушенности» молодых как следствии этого.⁵

Достижение сыновьями совершеннолетия в крестьянской среде «ничем особым не отличается, а также и дочь невеста не отличается перед прочими сестрами, как в домашнем быту, так равно на работе и вечеринках», — отмечал в 1897 г. информатор из Казачинской вол. Енисейского окр. одноименной губ.⁶ По закону достижение 21 года могло повлечь ослабление зависимости от родителей, домохозяев вообще: появлялась возможность вступить в брак без родительского благословения, получить отдельный паспорт на жительство и т. д. На практике же власть домохозяина над личностью молодого крестьянина оставалась очень сильной. Правда, к голосу выросшего сына прислушивались чаще, чем раньше: «право голоса в домашнем совете получает член семьи тогда, когда он вполне может самостоятельно производить крестьянские работы без руководства старших».⁷

Замужество девушки означало, как правило, выход из сферы воспитательного воздействия родителей под власть мужа и в сферу; влияния свекра и его «домашних». Составной частью свадебного обряда были наставления дочери-невесте о том, как жить в новой семье: нужно почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно и т. д.⁸ Материальным напутствием девице иногда служило приданое - скот, другое имущество, которым ее «благословили» родители. Но чаще из отчего дома молодуха уносила только то, что «она

¹ См.: **Абрамов Н.** Город Ялуторовск...-4 июля; МФ ГАКК, ф. 88, оп. I. д. 4, л. 2021,29 и др.

² Подробнее см: **Громыко М. М.** Традиционные нормы поведения... — С. 161-266

³ **Герасимов Б.Г.** В долине Бухтармы. — С. 73.

⁴ См.: **Липинская В. А., Сафьянова А. В.** Свадебные обряды — С. 185. 30

⁵ См.: **Арефьев В. С.** Письма С Ангары // Сибирская жизнь. — 1899. — 2 ноябр.; **Неклепаев И.Я.** Поверья и обычаи... С. 143; **Швецова М. В.** Из поездки в Риддерский край // Записки Зап.-Сиб. отд. Рус. геотр. о-ва. — 1898. — Кн. 25. - С. 11-12.

⁶ АГО разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 21.

⁷ Там же, л. 25.

⁸ См.: **Красноженова М. В.** Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геотр. о-ва. — 1905. — Т. 36. — С. 80; **Неклепаев И. Я.** Поверья и обычаи... — С. 157.

приобрела сама - или денежными заработками на летних работах, или пряжей и тканьем...».¹ В течение примерно двух-трех лет происходила культурно-бытовая ассимиляция невестки в новой семье.

Женившиеся и выделившиеся в самостоятельное хозяйство сыновья первое время обычно прибегали к помощи семей отца и братьев, но постепенно эта связь слабела. С целью ее сохранения многие крестьяне стремились поселить отделяемого «осибе» сына поблизости от своей усадьбы. В Забайкалье во второй половине XIX в. отмечены поравнения усадебных земель с этой целью: сельские общества отбирали часть земли у бездетной семьи и передавали ее многодетной. Строя здесь дом для сына, крестьянин хотел, чтобы новая семья «начала жить «на глазах», чтобы там, где нехватит силы у этой молодой семьи, он мог бы вовремя придти ей на помощь».² В тех же семьях, в которых отцы стремились предотвратить выдел «возросшего» сына, постройка для него дома рядом с отцовским способствовала сохранению единого хозяйства. Строительство или покупка для отделяющегося сына дома и всех построек в любом случае признавалась обязанностью родителей, но далеко не все имели такую возможность.

При разделах крестьянских семей родители обычно оставались «до смерти» с одним сыновей. Существовало традиционное правило, по которому это должен был быть младший сын: считалось, что больше других нуждается в наставлениях со стороны родителей, будучи еще «не вполне развитым по домашнему хозяйству».³ Но местами традиционная норма считалась устаревшей и соблюдалась далеко не всегда. В Иркутской губ., скажем, отцы отавались чаще жить просто «у любимого сына» или у того из сыновей, кто соглашался на это. В среде бедноты распространилось обыкновение давать приют и пропитание родителям поочередно у всех сыновей.⁴

В неразделенной семье первое время сохранялось главенство отца или свекра, подразумевавшее и его воспитательное воздействие на младших членов. По мере старения домохозяина и возмужания сыновей роли менялись. В некоторых семьях такая, смена сознательно готовилась: отец предоставлял старшему сыну иные из своих прав и давал возможность пробовать силы, проявлять инициативу, в необходимых случаях вмешиваясь и поправляя его.⁵ Затем стареющий отец, «чувствуя себя в невозможности быть материально полезным семейству, передает власть свою старшему сыну и подчиняется ему, ограничивая свое влияние на него одними советами».⁶ Обычным было почтительное отношение к

¹ Осипов Н. О. Ритуал сибирской свадьбы. — С. 100.

² Михайлов К. Общинный быт... — С. 12.

³ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 32—33.

⁴ См.: Загоскин М. В. Ответы на программу... С. 38.

⁵ См.: Сабурова Л. М. Культура и быт... С. 172.

⁶ Костров Н. А. Юридические обычаи... С. 29.

родителям со стороны более молодых членов семьи, внимательное отношение к их советам. Однако бывали случаи притеснения стариков, ставших обузой для хозяйства, даже изгнания их сыном или зятем из собственного дома.¹ Общественное мнение сурово осуждало такие поступки. Считалось обязательным для детей кормить и призывать отца и мать или «давать им средства к содержанию. Если дело доходило до волостного суда, тот принимал обычно соответствующее постановление. Если сын по своей бедности не в силах был содержать родителей, последние передавались на попечение сельского общества.² Стремясь избежать такого финала, некоторые из крестьян сохраняли за собой права домохозяина до самой смерти, обязывая остальных членов семьи жить «из под своей руки».

Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что социализация новых поколений осознавалась как одна из важнейших своих функций всем крестьянским сообществом. Воспитание детей и молодежи осуществляли практически все члены семьи, а также родственники и соседи — индивидуально и через такие сообщества, как детская, и молодежная «роща», фамильное гнездо, сельское общество, соседская и приходская община, артель. Роль каждого, цели, методы и приемы воспитания, выработанные веками, сами перенимались в процессе социализации от предшествующих поколений. Индивидуальным сознанием этот процесс опосредовался лишь частично. «На живых примерах незаметно усваивали крестьянские дети опыт и знания отцов и дедов».³ Существовала, с одной стороны, жизненная необходимость такого усвоения как для старших, так и для младших, а с другой — его возможность: почти все сферы традиционного образа жизни крестьянства предполагали совместное участие в них представителей разных поколений.

Важнейшую роль играла, конечно, семья, а в ней — родители.⁴ Традиция прямо вменяла им в обязанность кормить, обувать и одевать детей, приучать их к труду и воспитывать в уважении к старшим и «в страхе божем»⁵. Считалось необходимым участие в этом деле и отца, и матери, но между ними существовало определенное разделение воспитательных функций. В грудном и раннем детском возрасте и сыновей, и дочерей «досматривала» в основном мать, а приучение к хозяйственным работам в школьном и подростковом возрасте было дифференцировано: сын находился в «школе» отца, дочь — при матери. Отец воспринимался детьми как «суровый, заставляющий бояться детей», мать —

¹ См.: Попова А. М. Семейские – С. 15; Загоскин М. В. Ответы на программу... – С. 43-44.

² См.; **Материалы** по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. – Т. 2. - Вып. 2. - С. 163.

³ **Мионов Б. Н.** Мир русской деревни. – С. 41.

⁴ О трудовом воспитании в семье см.: **Зверев В.А.** Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русскыз крестьян Сибири (конец XIX—начало XX в.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. — Новосибирск. 1985 С. 112-128.

⁵ АГО. разр. 57, оп. I. д.19, л 18 19; **Загоскин М. В.** Ответы на программу... С. 154; **Попов Т.** Слобода Такмыцкая // Тобол. Губерн. Ведомости. – 1866. -12-19 февр.

как «добрая покровительница», что позволяло родителям дополнять друг друга.¹

Удовлетворяя в процессе воспитания своих детей общественный интерес, родители преследовали здесь и личные, а также групповые (семейные) цели, ведь подрастала «замена» — работники, «призрители» и кормильцы на старости лет, наследники семейного имущества, знаний и жизненного опыта. Невозможность передачи детям полноценного хозяйства или неудача в деле воспитания детей воспринимались поэтому как трагедия. «Живем не жители, и умрем не родители», — говорили в таких случаях.²

Руководящая роль отца в воспитании обуславливалась, прежде всего, высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского общества и т. д. У него обычно не было необходимости в наказании детей как воспитательном средстве — они были постоянно «на глазах» и любое указание выполняли беспрекословно. В большинстве семей воспитание проходило в атмосфере заботливого, ласкового отношения к детям. Не видя привычных им «специально воспитательных» сцен, не очень внимательные наблюдатели приходили даже к ошибочному выводу о «полном небрежении к первоначальному воспитанию» со стороны родителей в сибирской деревне.³

Большое значение имела воспитательная роль представителей самого старшего поколения в семье — дедушек и бабушек. Их сильное влияние на детей часто объяснялось душевной чуткостью, умением наладить психологический контакт. Они умели лучше других взрослых, «находясь в детской среде, не мешать ребятам, оставаться не замеченными («бытта их нету!...»)).⁴ До самых зрелых лет молодые с наслаждением слушали и запоминали сказки и предания «о старине», которые мастера были рассказывать бабушки и деды, а вместе с тем впитывали нравственный опыт и язык предков.

Одним из важнейших принципов семейной педагогики было опосредование влияния родителей, бабушек и дедов на меньших детей средой старших братьев и сестер. «Большаки» и «большухи», средние ребята заботились о маленьких, защищали их от обид, передавали им свои игры, помогали изготавливать игрушки и инвентарь. Нельзя переоценить роль старших детей и в трудовом воспитании. Фактически именно они вводили маленьких в «трудовую школу» родителей и были там лучшими «учителями». Имея таких помощников, родители лишь осуществляли общее руководство их воспитательной деятельностью. «А чуть дети подрастут — сами друг друга поднимают» — это правило, зафиксированное в Приангарье,⁵ действовало повсеместно в сибирской деревне. После смерти родителей «большаки» обязаны

¹ Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. — СПб., 1910. — С. 183.

² Архив Государственного музея этнографии народов СССР, ф. 1, оп. 2, д. 739, л. 2.

³ См., напр.: Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы... С. 1-16.

⁴ Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений - Иркутск, 1925. — С. 80.

⁵ Горелов В. А. Структура и численный состав семьи. - С. 98.

были полностью взять на себя воспитание младших до обретения ими самостоятельности, а не вышедших замуж сестер призывать и в зрелые годы.

Как и в предшествующий период, в эпоху капитализма у крестьян практически «не было воспитательных средств, отличных от отношений реальной жизни».¹ Такое положение имело и свой негативный аспект: не только светлые, но и темные «стороны семейной и личной жизни взрослых проходили перед глазами детей, не прикрытые почти ничем».² Исследователь А. П. Ермолаев, посетивший Приангарье в 1911 г., писал: «Я не раз бывал свидетелем семейных разговоров за едою или после нее, темой которых служили иногда самые грязные подробности отношений между лицами, часто присутствовавшими тут же...».³ Грубые, скабрзные шутки, замечания вставляются то и дело; все смеются, смеются и дети, которые находятся здесь же...». Неспособность или нежелание некоторых взрослых осознать в какой-то момент воспитательный аспект своих действий делали возможными такие «забавы», когда мужчины «ради смеха» учили малышей ругаться бранными словами, курить, пить вино.⁴ Правда, нет оснований считать, что такие явления имели очень широкое распространение.

Результатом воспитательного воздействия со стороны семьи обычно было успешное перенимание детьми лучших качеств своих предков. «В роду свою удалась. Мать-то у нее была женщина сильно, хорошая. И уважительная, и обходительная, и хозяйка каких мало», — говорили, бывало, о соседке в деревне.⁵ Перенимались и недостатки; в селениях это замечали, и рождались такие пословицы: «Каков корень, таковы и отрастилия», «Ворона сокола не принесет», «От худого семени не жди доброго племени».⁶ Крестьянам было известно, что личные качества ребенка, его усилия по самовоспитанию тоже влияют на результаты социализации: «Один отец и мать, а дети разные».⁷

Общественное окружение семьи не было безразличным к воспитательному процессу. Будучи связующим звеном между личностью крестьянина, семьей как малой контактной группой и большими социальными группами (класс-сословие, этнос, конфессиональная общность), **сельское и волостное общество как бы контролировало от имени последних и корректировало воспитание в семье и дополняло его.**

Очень мощным средством для этого было общественное мнение. Оно склонно было

¹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... — С. 121.

² Козьмин Н. Н. Очерки прошлого... — С. 183.

³ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 70.

⁴ Там же, п. и. 110, л. 25—26.

⁵ Ростовцев И. Г. На краю света: Записки очевидца. — М., 1985. — С. 125.

⁶ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. — С. 81—82; Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор... — С. 374; Ивановский В. Пословицы и поговорки... — Вып. 15. — С. 12—13.

⁷ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. — С. 84.

одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: «как наши старики жили».¹ Эти образцы фиксировались в рассказах стариков о жизни «в досельные времена», в фольклоре, отыскивались и в повседневной жизни деревни. В процессе общения «мир» давал оценку качеств личности всех своих членов, каждому их поступку. Вот примеры таких оценок, записанные в начале XX в. в Барабинской степи: «Все-то хлопочет да старается дядя Иван, мотри, как славно он свое хозяйство наладил! За етаким мужиком бабе не житье, а масленица»; «У ей золоты руки: мотри, какой обиход в избе у ей». Старательная, чистоplotная хозяйка слыла «чистоткой», «обиходкой». Стремясь отметить в женщине сильное материнское чувство и семейные добродетели, сравнивали ее с «серой утицей», величественную красоту и супружескую верность — с «лебедью белой».² В то же время подвергались насмешкам лень, бестолковость, спесь, неопрятность, пристрастие к выпивке и другие негативные нравственные качества.

В тех случаях, когда отрицательные качества проявлялись в поступках молодежи, нарушавших существенные интересы «мира» или отдельных его членов, предпринимались и формальные санкции. Большое воздействие, например, имели вызовы родителей на сельский сход, в волостной суд. Наказание могло быть суровым но дело даже не в нем. Для большинства крестьян позорным был сам факт общественного осуждения. Г. Д. Гребенщиков так передает внушение одного из алтайских крестьян своему сыну: «А ты Миколай... зря без меня по вечеркам не шатайся! Мало что там может случиться: другие подерутся, либо пожар наделают, чтобь меня из-за тебя на сходку не ташили».³ В случае неповиновения выросших детей и сами родители могли искать на них управу в суде. Крайними формами реакции общины на отклоняющееся поведение своего члена были изгнание его (высылка по постановлению схода), а по отношению к «чужим» — жестокие побои как результат самосуда.⁴ Таким образом, корректировалось поведение не только детей и молодежи, но и взрослых крестьян — социализация не прекращалась с достижением совершеннолетия.

Еще одним каналом участия сельских обществ в воспитании подрастающих поколений было устройство опеки. В случае смерти родителей малолетних детей и неимения близких родственников, которые могли бы взять их на воспитание, сельскому сходу полагалось выбрать опекуна и сдать ему «на руки» сирот-малолетков вместе с оставшимся от родителей имуществом. Опекун был обязан «малолетних детей приобщать молитвам и страху божию, а

¹ Этнологическая секция в 1925—1926 гг. // Сибирская живая старина. — 1926. - Вып. 1 (5). — С. 179.

² Молотилов А. Говор русского старожилого населения... — С. 117, 140—141, 180, 215.

³ Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь. — С. 88.

⁴ ГААК, ф. 185, оп. 1, д. 8, л. 72—74, 80—84, 95; НГПИ, д. 5, л. 92—93; Ростовцев И. Г. На краю света. — С. 299.

также и труду, заменять во всем умерших родителей».¹ Ежегодно он должен был давать обществу отчет о состоянии имущества и успехах воспитания, причем в случае нерадения к обязанностям мог быть и заменен. В период империализма общее ослабление общины в Сибири привело к упадку и институт опеки. Во множестве случаев «деятельность деревенской опеки заключается в распродаже всей движимости умершего, отдаче земли его в аренду и в помещении сирот — кого к родичам, кого в чужие люди для услужения. Все это... зависит от того, что большинство опекунов... смотрит на свои обязанности, как на бремя, отрывающее их от своих дел».²

Во второй половине XIX — начале XX в. **большие усилия с целью увеличить свое влияние на воспитание молодых крестьян-сибиряков предпринимали царские власти,** делая ставку на церковь. Беспокойство самодержавия вызывал тот факт, что нерадение в исполнении церковных обрядов, индифферентность в «делах веры и благочестия», особенно присущие старожильческому крестьянству, передавались и детям. В результате, например, среди новобранцев православного исповедания, призванных в 1881 г. в армию из Западной Сибири, доля не бывавших у исповеди и причастия в течение года и более (97,1%) была в 2,4 раза выше, чем по стране в целом (40,5%). Почти половина сибиряков-новобранцев вообще ни разу или по крайней мере последние 5 лет не исполняла этого христианского долга.³

В изучаемый период в Сибири велось усиленное строительство церквей, к крестьянской молодежи применялись меры, принуждавшие к посещению их (не венчали брачующихся без исповеди, например). Важнейшим орудием самодержавия, призванным «подготовить верных чад церкви и престола»⁴ в деревне, стали начальные училища, особенно принадлежавшие духовному ведомству. При каждом удобном случае детям внушалось ко всему священному благоговение, к властям, духовным лицам, родителям и старшим — почтение и уважение, в отношениях друг к другу — товарищеские чувства, во всем же — благоповедение» — таков был курс воспитания в официальных школах.⁵ Однако относительно слабое развитие церковной и школьной сети в Сибири, рутинные методы работы законоучителей не позволяли властям добиться коренного перелома в желаемом направлении, скорее, отвращали деревенскую молодежь от церкви, чем приобщали к ней. Не спасали положения и попытки расширить применение, внешкольных и нетрадиционных форм воздействия церкви на молодежь — через кружки ревнителей православия, приходские братства и пр. В 1906 г. на собрании, проходившем под председательством архиепископа Томского и Барнаульского

¹ АГО, разр. 57, он. 1, д. 19, л. 27.

² Статистический обзор Тобольской губернии за 1897г. - Тобольск, 1898.— С. 67.

³ Подсчитано по: ЦГИА, ф. 796, оп. 162, д. 1718, л. 52—54.

⁴ Там же, оп. 442, д. 2121, л. 94.

⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора...— С. 286- 287

Макария, в результате бурного обсуждения вопроса о внешкольном влиянии на учащихся «пастыри» решили «следовать примеру одного батюшки, который совершал службы для школьников у себя по деревням, но служил короче, что давало возможность уделять больше внимания детям, читая им что-нибудь, объясняя молитвы и православно-христианское богослужение и т. д. После этого он поил чаем школьников, так что выходило что-то вроде школьного праздника».¹ Решение это тоже больших последствий не имело.

В источниках эпохи капитализма мы обнаруживаем множество указаний на то, что воспитательный процесс в его традиционных формах, которые раньше были весьма эффективными, теперь в деревнях Сибири все чаще давал сбои, причем со временем эта тенденция усиливалась. Сельские сходы, волостные правления в своих решениях, крестьянские начальники, губернские по крестьянским делам присутствия, губернаторы, главы церковных епархий в своих ежегодных отчетах, авторы этнографических описаний, корреспонденты периодических изданий — все в один голос говорили о «падении нравственности»: распространении среди крестьянской молодежи непочитания родителей и «мира», а также пьянства хулиганства и воровства.² Сильнее всего такие явления распространились в местностях пригородных, лежавших недалеко от линии железной дороги, больших трактов, золотых приисков, в крупных селениях, имеющих торгово-промышленное значение. Нарекания вызывало чаще всего поведение молодежи из кулацких семей, а также до крайности разорившихся семей бедноты. Такие данные указывают, что **имело место активное влияние процессов капиталистического развития на способы и результаты воспитательной деятельности крестьянства**, причем влияние далеко не однозначное.

С одной стороны, рост переселений в Сибирь, усиление связей земледельческого поселения с городским, распространение в деревнях через посредство школы и печати сведений о жизни людей в других краях и прочие процессы, характерные для развивающегося вширь и вглубь капитализма, оказывали прогрессивное воздействие. В ходе начавшегося разложения патриархального уклада жизни у молодежи появлялась возможность сравнения, критического отношения к традиционным образцам поведения, а у взрослых — необходимость, учитывая меняющиеся условия, ставить сознательные цели, использовать новые средства социализации. Среди крестьянской молодежи росло стремление к эмансипации, распространялось рационалистическое мировоззрение. В лучших своих образцах под влиянием пропаганды революционных организаций, накопления опыта участия в классовой борьбе оно приобретало революционный характер.

¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 86.

² ГААК, ф. 185, оп. 1, д. 8, л. 73; ТФ ГАТО, ф. 2, оп. 1, д. 400, л. 39; ф. 335, оп. 1 (604), д. 11; Заметки о Забайкалье //

Но, с другой стороны, объективные условия не давали возможности широко развернуться назревшим позитивным переменам образа жизни крестьянства, а потому порождали загнивание, в частности, тех его сторон, которые были связаны с воспитанием детей и молодежи. Исследователь Ф. Ф. Болонев так комментирует сообщения о «нравственной распущенности» молодежи в старообрядческих селениях Забайкалья начала XX в.: «По-видимому, дело здесь не в нравственной распущенности, а в том, что все это было явным вызовом той прогнившей насквозь социальной обстановке, в которой оказалось старообрядческое общество в результате чрезмерного обогащения... верхушки в семейских селах, массового обезземеливания крестьян и духовного засилия и ханжества уставщиков и начетчиков».¹

Распространение хулиганства в среде кулацкой молодежи наблюдатели прямо объясняли «уверенностью избежать, благодаря влияниям и средствам, наказания по суду и вообще неприятных последствий».² В нижнем же социальном слое тяжелая работа от зари до зари надолго отрывала крестьян от воспитания детей. Широкое распространение получила отдача малолетков в наем с 7—8 лет в борноволоки, няньки, подпаски, копновозы «в сроки» (на сезон) и поденно, а лет с 12 — и в годовой наем на все работы в зажиточных хозяйствах. «Несмотря на то, что я был мальчишкой, я уже пахал, боронил, косил, дрова пилил и другие работы (выполнял по найму — **В. З.**), а вдобавок получал мордобитие», — вспоминал впоследствии житель д. Хандальской Шилаевской вол. Канского у. Енисейской губ. П. С. Янечек.³ А крестьянин с. Шушенского Минусинского у. той же губ. Н. И. Попков, батрачивший с 8 лет пишет о своем хозяине: «Этот злодурый кулак Шахматов предупреждал меня, что ты, когда ложишься спать, не разувайся, чтобы потом быстрее встать рано утром и скорее идти за конями и ехать на работу».⁴ Ясно, что такие дети частично или совсем выпадали из той традиционной системы социализации, которая описана выше, по равноценной замены ей капитализм не создал. Крестьяне говорили о лишенных «родительской школы» подростках: «уж если парнишка с малых лет пошел по чужим людям, то не жди, чтобы из него вышел настоящий крестьянин».⁵

Негативное воздействие оказывали пережитки феодализма, в том числе крайний недостаток культурно-просветительных учреждений, продолжавшаяся уголовная ссылка в Сибирь, ускоренное развитие в интересах пополнения казны и кошельков толстосумов сети

Восточное обозрение. — 1904. — 3 янв.; и др.

¹ Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1978. С. 39.

² ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 63.

³ ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 489, л. 32.

⁴ Научный архив Минусинского краевед. музея им. **И. М. Маргьянова**, оп. 4, д. 108/47, л. 25—27. (Далее: МКМ).

⁵ Варначье семья // Сибирь. 1884. 5 февр.

кабаков и шинков. Так, в деревнях получило распространение спаивание хозяевами «недолетков», участвовавших в помочах.¹

В годы столыпинской аграрной реформы и военных событий 1904—1905 и 1914—1917 гг. в Сибири возникла проблема детского беспризорничества. Появилось немало сирот, которых сельские общества не могли взять на свое обеспечение и воспитание. Уже в 1906 г., например, по данным губернаторского отчета, в деревнях Иркутской губ. имелось 637 сирот — детей лиц, погибших или пропавших без вести на русско-японской войне.² Власти и общественные организации дискутировали вопрос о развитии сети приютов для таких детей и сирот, оставшихся от умерших переселенцев, но практические шаги были минимальными. На всю Сибирь в рамках Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губ. на 1 января 1914 г. действовало лишь 17 «заведений закрытого призрения детей», в которых воспитывалось 779 чел., из них деревенских ребятишек было не более 250. Положение «приютских» нельзя было назвать удовлетворительным — на их содержание выделялось очень мало средств.³

2. ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

Многолетняя практика хозяйствования, участия в общинной жизни и классовой борьбе, наблюдения за природной и социальной средой, общения с аборигенами, ссыльными, вольными переселенцами из других регионов вооружила общественное сознание русских крестьян Сибири разнообразными знаниями. Многие наблюдатели и исследователи-специалисты давали высокие оценки их эмпирически-научного уровня. Так, П. И. Соколов, обследовавший крестьянские хозяйства на юго-востоке Мариинского окр. Томской губ., пришел к выводу, что местные жители обладают «тонким практическим знанием физических условий» своей жизни.⁴ Чиновник Н. А. Костров, внимательно изучавший быт крестьян томичей, удивлялся «необычайной сметливости», с которой члены волостных судов по внешнему виду сена, соломы, муки, холста устанавливали условия их произрастания, переработки или выделки.⁵ Другие чиновники констатировали, что жители низовьев Оби «до мелочей знают образ жизни и привычки всех рыб, идущих с моря, и применяют для ловли их, можно сказать, «исчерпывающие» средства, действующие без отказа».⁶

Обобщая такие свидетельства, известный сибирский агроном и общественный деятель П.

¹ ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 42, л. 25—26; д. 76, л. 5; д. 78, л. 8; и др.

² Подсчитано по: ЦГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 79, л. 4.

³ Подсчитано по: Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. — Пг., 1916, — С. 320—333.

⁴ Материалы для изучения... Западной Сибири. — 1893. — Вып. 19. — С. 62.

⁵ См.: Костров Н. А. Юридические обычаи... — С. 109-110.

⁶ ЦГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 25.

Л. Скалозубов писал: «Вековое общение народа с природою открыло ему знания, которые часто только позднее открываются уму, дисциплинированному наукой».¹ Соглашаясь с этим, следует в то же время признать, что в 60-х гг. XIX — начале XX в. крестьянство не обладало таким методологическим и техническим инструментарием, который позволял бы сделать все результаты его познавательной активности отвечающими даже тогдашнему уровню развития науки. Достижения мысли и опыта сочетались с громадными наслоениями «ненаучных и антинаучных, в том числе религиозных представлений. Большинство сибиряков, как и их собратьев к западу от Урала, считало людские и скотские болезни «карой божьей» или «наваждением нечистой силы»²; многие пребывали в нелепом убеждении, что «пожар от молнии не может быть потушен ничем другим, кроме молока»³, что радуга «концами пьет воду из рек и озер и поднимает ее на небо для дождя»⁴, а мамонты и теперь живут в толще земли и изредка выходят на водопой в реку или озеро⁵; по крайней мере до 1905 г. верили, что царь и высшие звенья государственного управления пекутся об интересах народа⁶ и т. д.

В деревне всегда могли указать «наиболее толковых» жителей, аккумулировавших в своей памяти обширные сведения из сокровищницы народных знаний в области агрономии, медицины и ветеринарии, метеорологии, метрологии, хронологии, педагогики, географии, истории. Были известны и «знаткие люди» знатоки иррационального, магического. Старшие были заинтересованы в том, чтобы передать свои познания младшим.

В значительной степени такая передача происходила как бы сама собой — процессе совместного труда при разговорах членов семьи, соседей между собой и т.д. «Еще мальчиком, почти ребенком, он (крестьянин - **В. З.**) слышит, почему на одном участке родилось хорошо, на другом плохо; почему в одном месте хорошо растет овес, а в другом рожь или пшеница; когда и как нужно пахать одну землю, когда и как - другую...»⁷. В полевых дневниках этнографов и фольклористов часто упоминается, что тот или иной респондент «помнит много старинных песен, рассказов, примет и пр., слышанных в детстве», что «это все от стариков слыхал», или ему «отец рассказывал»⁸. В передаче и закреплении знаний велика была роль игр. Известный этнограф, ссыльный А. А. Макаренко делился своими наблюдениями: «Дети-девочки в своих играх часто принимают на себя роль матерей

¹ Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. — СПб., 1912. — С. 19.

² Отчет о состоянии народного здоровья... за 1882г. — С. 40—41.

³ Голодников К. Пожары и их влияние на экономический быт населения Тобольской губернии // Тобол, губерн. ведомости. — 1878. — 10 июня.

⁴ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. — СПб., 1905. — Т. 4. — С. 196—197

⁵ АИЭ, д. 325, л. 1—4.

⁶ См.: Шустов К. Б. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1981. — С. 22.

⁷ Материалы для изучения ... Западной Сибири. — 1898. — Вып. 22. - С. III — IV.

⁸ См.: напр.: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 56, 345, 396

и повторяют те же стереотипные объяснения, касающиеся появления «дети» (нашла под листом капусты, вынула из-за пазухи и др. - **В. 3.**); свою «дитю» они пеленают и кормят, в точности подражая старшим. Так, сперва шутя, в детских играх, потом в роли нянек чисто опытным путем девочки приобретают навык, необходимый для ухода за детьми и усваивают в то же время понятия и предрассудки своей среды».¹

Наряду со стихийным процессом имело место и целенаправленное воздействие обучающихся на обучаемых, дававшее, как правило, большой эффект. Важнейшим механизмом передачи знаний, формирования интеллектуальных качеств ребенка оставалась семья. Поэтому в Сибири не переводились потомственные мастера того или иного дела. Так, были известны фамильные гнезда или семьи с несколькими поколениями кузнецов в Салаирской вол. Кузнецкого окр. Томской губ., в пригородных деревнях под г. Томском — Федосеевке, Батурине, Спасском, Богашеве, в с. Усть-Эр-бинеком и прилегающих к нему деревнях Абаканской и Новоселовской вол. Минусинского окр. Енисейской губ. и т. д.² В с. Есаулове Красноярского окр. Енисейской губ. жители долго помнили большую семью резчиков по дереву Поповых (уличное прозвище — Решиковы), «которые оставили следы своей работы во многих церквах Красноярского округа и даже в городе Красноярске»³. В обширных округах славились потомственные мастера обрабатывающих промыслов, «былинники», сказочники, знахарки. Многие сведения, считавшиеся необходимыми для жизни, молодежь перенимала от посторонних семье лиц — соседей, гостей, проезжих. При этом действовал важный в народной педагогике принцип возрастной иерархии. Например, считалось, что магические приемы лечения, наговоры теряют свою силу, если младшие вздумают научить им старших: «Нельзя учить, кто старше тебя»⁴.

Особой проблемой для старших поколений крестьян было обучение детей грамоте — чтению, письму, счету. Издавна в сибирской деревне сложилась система обучения грамоте в домашних условиях — мало-мальски грамотными родителями, другими родственниками или нанятыми учителями⁵. Она продолжала существовать и в эпоху капитализма. «В семье грамоте, а именно азбуке учил отец, буквы писал на стене углем», — вспоминает А. И. Ннкишков, живший в начале века в пос. Оренбургском Каннского у. Томской губ.⁶ Д. А. Тихонова, родившаяся в 1886 г. в с. Суслове Мариинского окр. той же губ., научилась

и др.

¹ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине... — Вып. 1. — С. 97

² ГАИО, ф. 293, оп. 1, щ. 637, л. 54; Сибирские сказы... — С. 99, 213; Томские губерн. ведомости. — 1882. — 8 июля.

³ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 107, л. 5.

⁴ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение... — С. 389. См. также АИЭ, д. 299, л. 31; Макаренко А. А., Материалы по народной медицине... — Вып. 3/4. — С. 382.

⁵ См.: Миненко Н. А. История культуры... — С. 13—19.

⁶ НГПИ, д. 6, л. 43.

считать «у своей родной тети, у которой часто гостила до замужества»¹. У старообрядцев было распространено обучение церковной грамоте уставщиками. По данным обследования 1897 г., в среде русского крестьянского, казачьего и ссыльного населения сельской местности Забайкалья 17,2% всех мальчиков, учившихся грамоте, делало это дома².

Низкий уровень собственной грамотности и дефицит свободного времени нередко заставляли крестьян кооперироваться несколькими семьями или всем сельским обществом и, нанимая специального учителя, создавать так называемые «домашние» или «вольные» школы. Инициатива могла исходить и от потенциального учителя — местного священника, писаря, ссыльнопоселенца, пришедшего из армии «грамотея»-односельчанина и т. д. Платили учителю домашней школы деньгами, мукой, мясом — кто чем мог, иногда он столовался в семьях своих учеников. Занятия проходили обычно в крестьянских избах, по очереди у каждого из родителей или в арендованном помещении. Ребенок посещал школу одну—две зимы, причем занятия начинались после окончания основных полевых работ и заканчивались ранней весной. Это устраивало учителей, иные из которых вели собственное хозяйство, и особенно родителей: в теплый сезон дети очень нужны были им как помощники.

По наличию средств обучения и его качеству большинство домашних школ находилось на очень низком уровне. Программа занятий зависела от пожеланий родителей и усмотрения учителя, обычно она сводилась к обучению молитвам, письму, чтению и четырем арифметическим действиям. По свидетельствам очевидцев, закончив такую школу, подростки едва разбирали печатный текст, могли «руку приложить» (расписаться, заверить документ) записать что-нибудь «по домашности», написать двух или трех значное число³. Больше везло тем детям, которые попадали в обучение к политическим ссыльным: в их школах ученики зачастую получали достаточно высокую общую и специальную подготовку. А главное - ссыльные революционеры (в 70—90-х гг. XIX в. — народники, и конце XIX начале XX в. социал-демократы, большевики) стремились развивать мышление учащихся, поставить его на научную и критическую по отношению к окружающей действительности основу. Через некоторые вольные школы проникали в среду крестьянской молодежи и политические знания⁴.

Сведения о количестве домашних школ в Сибири отрывочны и неполны. Так, в Ялуторовском окр. Тобольской губ. В 1894 г. было зафиксировано 58 «вольных» учителей

¹ Там же, д. 4, л. 36.

² Подсчитано по: Комиссия Куломзина. — Вып. 3. — С. 398.

³ ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 10; МКМ, оп. 4, д. 108/48, л. 55; Григоровский Н.П. Крестьяне-старожилы... - С. 10-11 и др.

⁴ [Подробнее о педагогической деятельности политссыльных в Сибири см.: Ушакова Л. А. Культурно просветительная роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.). – Новосибирск, 1986; Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907-1917). – Иркутск, 1984. – С. 133-159

(40 мужчин и 18 женщин)¹. В Мариинском окр. Томской губ. в 1895—1896 гг. зарегистрировано 38 домашних школ, в Барнаульском - более 316.² В Каинском у той же губ. в 1898 г., по официальным данным, таких школ было 114, в них училось 1832 чел.³ Но несомненно, что официальная статистика занижает реальные показатели: многие школы нигде не фиксировались. Более того, некоторые из них были тщательно скрываемы крестьянами и учителями-политссыльными, которым по закону запрещалось заниматься педагогической деятельностью. В любом случае со временем, несмотря на развитие сети официальных школ, количество домашних училищ в сибирской деревне увеличивалось и в начале XX в., по разным подсчетам, превысило число официальных школ всех типов в 1,5—6 раз⁴.

Несмотря на свои недостатки, домашние школы вносили большой вклад в обучение детей крестьян-сибиряков. По некоторым оценкам, в них приобщалось к грамоте от 1/3 до половины всех учащихся⁵. Однако в эпоху капитализма на первый план по своему значению вышли официальные школы. Этому было много причин. Развитие всей школьной сети шло, с одной стороны, по инициативе или под давлением самого крестьянства. Широкие его слои были заинтересованы в облегчении доступа к начальному образованию для своих детей и улучшении качества получаемой грамотности. С другой стороны, в повышении роли официальных школ — проводников своего культурного влияния на крестьянскую массу — были заинтересованы светская администрация и церковные власти. Буржуазные круги видели в сельских школах средство первоначальной подготовки рабочей силы для капиталистического производства. Роль царской администрации, церкви и либеральной буржуазии в деле образования трудящихся в дооктябрьский период была двусмысленной: предпринимая в своих классовых целях определенные шаги для развития школьной сети, они в то же время препятствовали действительному просвещению, приобщению трудящихся к культурным ценностям.

В изучаемый период в сибирской деревне действовали официальные начальные школы нескольких типов, различавшиеся по ведомственной принадлежности, срокам и программам обучения⁶. Школы Министерства народного просвещения (МНП) — приходские училища, созданные по уставу 1828 г., и сельские училища, возникшие согласно инструкции 1875 г.,

и др.

¹ Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. — С. 810.

² ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 3, л. 62-77; д. 7, л. 494-509.

³ ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 3, л. 62-77; д. 7, л. 494-509.

⁴ **Юрцовский Н. С.** Очерки по истории... - С. 190-191.

⁵ Подсчитано по: ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 6, л. 61; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. - Т. 2, - Вып. 2, — С. 194; Т. 4. — Вып. 2. — С. 31; **Березовский Н. П.** О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. - Красноярск, 1916. — С. 5 и др.

⁶ Далее при характеристике официальных школ учтены материалы, предоставленные автору **К. Е. Зверевой**.

могли быть одноклассными и двухклассными с продолжительностью обучения соответственно три—четыре и пять лет. Третьей разновидностью школ этой группы были «высшие» начальные училища с пятилетним сроком обучения, учреждаемые по «Положению о начальных народных училищах» 1874 г., распространенному на Сибирь в 1904 г. Они стали появляться в селениях лишь с 1911 г. и к 1915 г. их действовало 5 в Акмолинской обл., 1 — в Тобольской и 2 — в Енисейской губ.¹ Значительная часть приходских и сельских училищ в Западной Сибири находилась в ведении Министерства внутренних дел и Министерства земледелия и государственных имуществ и только в середине 90-х гг. XIX в. в учебном отношении была передана МНП.

На территории расселения Сибирского и Забайкальского казачьих войск действовали, школы военного ведомства – казачьи (станичные и поселковые). В 1891 г. тоже было провозглашено их подчинение в учебном отношении МНП, однако фактически не только хозяйственные дела в них, но и вопросы учебного процесса часто решало войсковое управление. По программам обучения казачьи школы соответствовали одноклассным и двухклассным училищам МНП. Сельские церковно-приходские школы и школы грамоты находились в ведении Синода. Они были широко распространены на всей территории Сибири, причем наиболее интенсивное развитие их сети наблюдалось после утверждения в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» и «Правил о школах грамоты». В 90-е годы духовное ведомство прибрало к своим рукам множество сельских домашних школ, преобразовав их в школы грамоты. В последние годы XIX и особенно в начале XX в. сравнительное значение школ церковного ведомства стало уменьшаться — они не пользовались авторитетом у крестьян из-за крайне низкого качества обучения. В школах грамоты дети учились один-два года, в одноклассных церковно-приходских школах — два, в двухклассных - три - четыре года.

Наиболее полные и достоверные статистические данные о состоянии сети начального образования по России в целом и, в частности, по Сибири и ее сельской местности дали школьные переписи, проведенные в 1894 г. Вольным экономическим обществом и в 1911 г. МНП². Анализ данных этих переписей по Сибири (табл. 10) показывает очень плохую обеспеченность деревенского населения школами. Быстрый, на первый взгляд, рост числа школ и учащихся в них в эпоху капитализма в условиях интенсивного притока переселенцев и высокого естественного прироста населения был крайне недостаточным. Имевшиеся школьные помещения переполнялись учащимися, и количество последних администрация

¹ ГАКК, ф. 3, оп. 1, д. 187, л. 38; Березовский Н. П. О состоянии начального образования... — С. 8.

² Итоговые данные обеих переписей опубликованы в издании: **Однодневная** перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. - Пг., 1916. — Вып. 16. Далее данные, подсчитанные по этому источнику, относятся к территории Западно- и Восточно-Сибирского учебных округов, включавших Тобольскую, Томскую,

ограничивала. В 1910 г., например, по официальным данным, было отказано в приеме 40068 деревенским детям, родители которых хотели привести их в школу (18% от общего числа учащихся), в том числе 24695 — «по тесноте помещению»¹. Конечно, эти цифры приуменьшают масштабы проблемы: многие крестьяне и не обращались в официальные школы, зная плачевное состояние их дел.

Таблица 10

Развитие сети начальных школ в Сибири (конец XIX – начало XX в.)*

Показатель состояния школьной сети	1894 г.		1911 г.	
	В целом по Сибири	В т. ч. в сельской местности	В целом по Сибири	В т. ч. в сельской местности
Кол-во официальных школ, абс.	2124	1908	5397	4848
Кол-во учащихся, абс	63749	51220	268183	223137
В т. ч. мальчиков	48205	40572	186715	161617
девочек	15544	10648	81468	61520
Число учащихся, приходившихся на 1 школу	30,0	26,8	49,7	46,0
Кол-во жителей, приходившихся на 1 школу**	2781	2850	1875	2034
Доля учащихся среди детей школьного возраста, %***	8,0	6,9	19,6	16,5

*Подсчитано по: Однодневная перепись... - С. 22, 54, 56; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1893-1895гг. – 1898. –С. 126-277; Отчет... за 1910г. – 1912. – С. 66-67,91-94.

**Расчитано относительно численности населения на 1 января 1894 и 1911 гг.

***Расчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной в 1897г. (см. табл. 9)

Решая вопрос о том, посылать ли ребенка обучаться грамоте, крестьяне учитывали множество факторов. Брали во внимание прежде всего то, была ли поблизости школа. Даже в конце XIX — начале XX в. в разных уездах Сибири от половины до 3/4 селений были лишены своих официальных школ.² В таких случаях нужно было отправлять ребенка в другое, селение или в город, иногда за десятки верст. Если там не жили родственники, приходилось снимать квартиру, а это было по средствам немногим. Много зависело от авторитета учителя, постановки дела в школе. Хороших учителей очень ценили, охотно приводили к ним детей, иных же — спесивых, пьющих, ведущих беспорядочный образ жизни — в деревне чурались и взрослые, и дети³. Старообрядцев обычно не устраивал характер обучения в официальных школах, где насаждалось «никонианство». Уставщики запрещали своей пастве не только пользоваться помощью врачей, но и получать светское образование⁴. Очень важную роль играло благосостояние семьи и структура рабочей силы в ней. Чаще всего учили детей в школе достаточно зажиточные и богатые крестьяне, у которых

Енисейскую и Иркутскую губ., Акмолинскую, Семипалатинскую, Забайкальскую и Якутскую обл.

¹ Подсчитано по; Однодневная перепись... - С. 22.

² Посчитано по ГАКК, ф. 31, оп. Д. 119, л. 6-13; **Сборник** статистических сведений Томской губ вып. 1, - С.78; **Анучин В.И.** Современное положение сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии // Сиб. Наблюдатель. — 1904. Кн. 1. С. 104; **Сибирская жизнь.** – 1900. – 1 окт.

³ ЦГИА, ф. 391, оп. 3, 1797, л. 13; НГПИ, д. 6, 76; Глухих Ф.С. Помню всю жизнь // Народный учитель. – С. 102-103.

⁴ См.; **Полищук Н С.** Быт и культура семейских // Быт искусство русского населения Ч. 2.- С. 102-103.

к тому же было во дворе много работников (своих и наемных). Бедным было трудно выделить средства на одежду и обувь школьникам, на оплату учения, обойтись без помощников в хозяйстве хотя бы несколько месяцев в году. Однако нередко разоряющиеся крестьяне и сельские пролетарии учили детей даже из самых последних сил: «Что-бы дорогу в жизни видели».¹

Решая вопрос о том, отправлять ли ребенка в школу, учитывали также его позицию в семейной структуре, пол и в меньшей степени, способности и состояние здоровья. Больше шансов получить образование было у младших детей — старшие братья и сестры своим трудом обеспечивали им такую возможность. Отдавали в учение преимущественно мальчиков — им в будущем предстояло «заворот (хозяйство) вести», заниматься торговлей, иметь бумажные дела с властями и «обществом». Окончание школьного курса давало им возможность получить льготы по призыву в армию и раньше возвратиться домой. Девочек же даже в зажиточных семьях учили редко. «Прижмись к прялке и седи, прясть можно и неграмотной. Вон Федя (брат. — **В. 3.**) еще распишется где, а тебе не нужно», — так передает слова своей матери А. Л. Козлова, жившая в начале века в д. Забывке Каинского у. Томской губ.² Такие взгляды были типичными для крестьянской среды.

В источниках содержится много ярких описаний порядка обучения в деревенских начальных школах³. Мальчиков крестьяне отдавали туда в возрасте между 7 и 14 годами, девочек, как правило, в 7—11 лет, поэтому весь этот возраст иногда именовался школьным. Дети, которым довелось учиться в официальной школе, составляли небольшую часть лиц школьного возраста (см. табл. 10). В 80-х гг. XIX в. число учащихся-мальчиков превышало количество девочек-учениц в сельских школах Енисейской губ. в 3,0 раза, Иркутской — в 5,7 раз⁴. Обследование 1894 г. показало, что на 100 учащихся-мальчиков в сельских школах Сибири приходилось только 26 учениц; школьная перепись 1911 г. дала соотношение 100:38⁵.

Программы и насаждаемые методы обучения в официальных школах не предусматривали глубокой и всесторонней подготовки учащихся. Так, утвержденные в 1897 г. «Примерные программы» предметов, преподаваемых в училищах МНП, около 45% учебного времени отводили на предметы религиозного характера: закон божий, церковнославянскую грамоту и церковное пение. На уроках русского языка, арифметики и чистописания учащиеся должны

¹ НГПИ, д. 2, л. 52.

² Там же, д. 6, л. 76.

³ См., напр.: **Ростовцев И. Г.** На краю света С. 96121, 186-210; **Пальмин М. И.** Давным-давно // Народный учитель. - 1985. - 17 июня; он же Отрывок из воспоминаний // Народный учитель. 1987. 2 нояб.

⁴ Подсчитано по: МКМ, оп. 3. д. 35, л. 4-6 Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 2. — Вып. 2 С. 192.

⁵ Подсчитано по данным табл. 10.

были приобрести лишь самые элементарные навыки в области чтения, письма и счета, Гимнастика, рисование, основы ремесла и сельскохозяйственных знаний преподавались «по мере возможности».¹

Стремясь не допустить, чтобы уровень получаемых знаний был высоким, составители программ и циркуляров требовали на уроках русского языка «обращать исключительное внимание на изучение языка, а не задаваться побочными целями, например, сообщение учащимся разнообразных сведений из окружающего мира». При изучении арифметики следовало ограничиваться только решением задач, встречающихся «в житейском обиходе»². В школах церковно-приходских, согласно правилам 1884 г., из всех учебных предметов лишь арифметика носила светский характер, а остальные были чисто религиозными или имели религиозный оттенок. В казачьих школах много времени отводилось обучению детей гимнастике, конному и пешему строю.

Однако даже такие узкие задачи на практике реализовывались сельскими школами Сибири далеко не всегда. Поскольку в школах всех типов до конца XIX в. отсутствовали даже примерные программы, выбор предметов и объем преподаваемых курсов определялись зачастую произвольно, в некоторых школах не преподавали даже арифметику³. Встречались, впрочем, и училища, учителя которых стремились развивать мировоззрение учеников, применять передовую методику, вступать в тесное общение с детьми и их родителями. Такие педагоги добивались хороших результатов, им всю жизнь благодарны были их ученики.⁴

Сельские общества старались влиять на характер учебного процесса в школах, на качество получаемого детьми образования. У крестьян были для этого определенные возможности: школы содержались в основном на средства, выделяемые обществами, крестьяне выбирали из своей среды попечителей школы. Специальными приговорами сельских сходов сельчане оценивали уровень обучения детей, требовали от администрации улучшить преподавание, заменить училище одного типа другим, сменить учителя; повышали или понижали размер содержания учителю и законоучителю⁵. 23 ноября. 1897 г. в с. Боготол Мариинского окр. Томской губ. все жители торжественно, как народный праздник, отметили 25-летний юбилей работы здесь педагога Е. С. Куликовой. Учительнице был поднесен общественный адрес и подарок, купленный на средства общества¹. Но вот противоположный пример, 4 апреля 1917 г. Павлоградское сельское общество Омского у. Акмолинской обл., принимая во внимание,

¹ Ососков А. В. Начальное образование... С. -19-21.

² Труды местных Комитетов... — Т. 54. — С. 266.

³ МФ ГАКК, ф. 30, оп. 1, д. 5, л. 11-18, 21-26.

⁴ МКМ, оп. 4, д. 213; ПАИО, ф. 393, оп. 5, л. 528. л. 13-14; ККМ, о/ф. 7886, п. и. 117, л. 28; Глухих Ф. С. Помню всю жизнь.

⁵ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 108, л. 14—16; ГАИО, ф. 194, оп. 1, д. 74, л. 19; ф. 379, оп. 1, д. 6, л. 17—18; ГАКК, ф. 3, оп. 1, д. 1781, л. 28, 32.

что учитель А. Соколов «учение с детьми производил через 2 мес. в третий, а первоклассную группу в декабре распустил», единогласно постановило «учителя как недобросовестного для нас человека от должности отрешить».²

В отчетах о ревизиях начальных училищ много сетования начальства на «неуспешность» учебного процесса, «механическое усвоение преподаваемого и ограниченность приобретаемых сведений», даже на плохое знание учениками молитв и закона божьего³. В 60—80-х гг. XIX в. сами крестьяне чаще всего отрицательно характеризовали постановку и результаты учебного дела в приходских училищах МНП, а позже — в школах духовного ведомства. Основные причины слабой подготовки учеников, а значит, и низкого уровня грамотности большинства вышедших из школ подростков заключались в коренных пороках официальной школьной системы.

Была крайне слаба материальная база школ. Приведем данные обследования школ Алтайского горного округа в 1894 г. 48,8% церковно-приходских школ и 43,7% школ грамоты размещались здесь в совершенно не приспособленных для этого церковных сторожках. В 13 из 28 обследованных на этот счет волостных училищ (приходских школ, размещенных в волостных центрах) стены промерзали или были покрыты плесенью, как и в 7 из 30 церковно-приходских, в 5 из 13 школ грамоты. Из-за холода дети занимались в шубах в 13 из 33 волостных школ, в 19 из 36 церковно-приходских и из 13 школ грамоты⁴. Хотя новые школьные здания строились часто по специально разработанным проектам, отступления от норм при строительстве были обычным явлением. В 1915 г. заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губ. отмечал, что «почти все здания, построенные Переселенческим Управлением, недостаточно приспособлены для занятий».⁵

Обеспеченность училищ учебными принадлежностями и пособиями была крайне недостаточной. В 1881 г. штатный смотритель школ трех округов Иркутской губ. указал на «недостаток, а в некоторых и полное отсутствие предметов по физике и естественным наукам... для наглядного обучения»⁶. На отсутствие в казачьих школах эталонов веса, счетов, глобусов и карт указывал в 1910 г. наказной атаман Сибирского казачьего войска.⁷ «Школьные библиотеки в большинстве случаев отсутствуют совсем», — такое заключение сделали участники обследования селений Восточной Сибири на рубеже 80—90-х гг. XIX в.⁸

¹ Сибирская жизнь. — 1897. - 23 нояб.

² Государственный архив Омской области, ф. 37. оп. 1, д. 15, л. 234.

³ ГАИО, ф. 193, оп. 1, д. 80, л. 26—39; ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 19, л. 2113; ТФ ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 37, л. 6—7; ф. 458, оп. 1, д. 11, л. 5—7; ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 45.

⁴ Начальная школа в Алтайском округе в 1894г. // Алтайский сборник. - Барнаул, 1898. — Т. 3. — С. 9—10.

⁵ ГАКК, ф. 262, оп. 3, д. 10, л. 18—19.

⁶ ГАИО, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 17—18.

⁷ ГАКК, ф. 216, оп. 1, д. 99, л. 34—41.

⁸ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 204; Т. 4. — Вып. 2. — С. 9—10,

По данным переписи 1911 г., в 22,5% сельских начальных школ Сибири совсем не было учебных пособий, в 20,5% — книг для внеклассного чтения¹. Школьникам не хватало учебников, прописей, грифелей. Бывало, ученики вместо чернил использовали разведенную в воде сажу, свекольный сок, сами шили тетради из оберточной бумаги.

Плачевное состояние материальной оснащённости проистекало из общей системы финансирования сельских училищ Сибири. Основу содержания школ составляли земские сборы и мирские повинности крестьян, но этих средств было очень мало. Казна же вплоть до начала XX в. почти не принимала участия в этом деле. По данным статс-секретаря А. Н. Куломзина, в начале 90-х гг. на все свои деревенские школы в Сибири МНП отпускало лишь 550 руб. в год.² В 1912 г. общая доля расходов школы в бюджете Российской империи составила всего 2,4%.³

К числу других причин невысокого качества образования, получаемого в сельских школах, относится низкий профессиональный уровень большинства учителей. Даже в 1911 г. только 40% из них имели среднее и высшее образование, большинство же — лишь начальное.⁴ Здесь учтены, разумеется, только работники официальных школ, в домашних же училищах почти исключительно не имевшие специального образования, зачастую и малограмотны. Это было важной причиной господства рутинной, а то и антипедагогической методики преподавания и воспитания в школьных стенах. Хотя передовые методы обучения понемногу внедрялись в учебный процесс, вплоть до Великого Октября во многих училищах наблюдалось засилье зубрежки, грубое обращение учителей с детьми, применение физических наказаний.

Неудивительно поэтому, что многие ученики уходили из школ, не окончив даже их краткого курса обучения. Такой уход был еще одной причиной того, что иных крестьян, прошедших через школу, было трудно назвать грамотными людьми. В 80-х гг. XIX в. в «министерских» училищах Иркутской губ. с их трех—четырёхлетними сроками обучения средняя продолжительность «школьной жизни» для мальчиков равнялась 1 году 10 месяцам, для девочек — 1 году 8 месяцам. В церковноприходские школы мальчики ходили в среднем 1 год 9 месяцев, девочки — 1 год 6 месяцев⁵. В Ачинском у. Енисейской губ., по официальным данным за 1901-1902 учебный год, в 11 школах МНП окончил полный курс 86 чел. из 613 принятых, т. е. из каждых 7 учившихся окончил школу только один. Из 1500

20.

¹ Подсчитано по: *Однодневная перепись...* — С. 28—29.

² **Куломзин А. Н.** Потребности начального образования... — С. 31.

³ **Виноградов П. Т.** Краткий очерк народного образования в Томской губернии в 1910г. — Томск, 1912. — С. 19.

⁴ Подсчитано по: *Однодневная перепись...* — С. 24.

⁵ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губ. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 215—217.

учащихся 42 церковно-приходских школ окончило курс 120, т. е. один из каждых 12—13¹. В 1909-1910 учебном году в деревенских начальных школах Сибири окончило полный курс обучения 16,1 тыс. чел., а выбыло до окончания курса 41,1 тыс., в том числе 18,8 тыс. - на первом же году обучения². Во всех школах были широко распространены пропуски учениками уроков, которые вызывались, как правило, объективными причинами.

Отсев учащихся и манкирование уроками объяснялись нетолько низким качеством обучения. Программа одноклассных училищ была построена таким образом, что на третий год обучения ученики не получали новых знаний и навыков, а лишь повторяли пройденное, в чем крестьяне смысла не видели и забирали своих детей из школы. Делали они это еще и в связи с невозможностью обойтись в хозяйстве без труда детей и подростков, отсутствием у детей необходимой одежды и обуви, дальностью школ и т. д. Учительница А. Кошечкина из Тюменского у. Тобольской губ. писала в конце неурожайного 1911 г., что из 60 ребят, поступивших к ней в школу с осени, уже оставили учение 10, приходящие из соседних деревень, «часть за неимением теплой одежды, а больше от недостатка хлеба, который родители не имеют возможности давать (ученикам с собой в школу — **В. 3.**) особо от себя»³.

Такое положение, судя по всему, вполне устраивало власть имущих. Крестьянин А. Б. Беляев, учившийся в начале века в Сузунской церковно-приходской школе Барнаульского у. Томской губ., помнит, как на собрании приехавший из города архиерей внушал родителям: «Детей учите, но не доучивайте».⁴

Таким образом, начальная школа Сибири при существовавшей в эпоху капитализма постановке учебного дела мало способствовала повышению культурного уровня крестьянства, редко побуждала подростков повышать свою грамотность путем самообразования, продолжать обучение в средней школе. Она во многих случаях не создавала той первоначальной базы, на основе которой было возможно овладение специальными, в том числе сельскохозяйственными и ремесленными знаниями, и это являлось одним из факторов, тормозивших развитие производительных сил деревни и затруднявших общественную активизацию крестьянства.

Следует сказать, что некоторая часть деревенских ребят приобщалась к грамоте, не учась в школе, но не без ее влияния — через посещавших школу братьев и сестер, друзей и знакомых. А. Н. Михалева рассказывает: «Тем детям, которые учились в школе, завидовали. Не все имели возможность учиться. Нечего было надевать и нечем было платить учителю. С нашей улицы Тамбовской ходили в школу всего три человека... Другие дети, кто хотел

¹ Труды местных Комитетов... — Т. 54. — С. 75.

² Подсчитано по: Однодневная перепись... — С. 22-23.

³ ЦГИА, ф. 1482, оп. 1, д. 19, л. 32. См. также: НГПИ, т. 2, л. 4; д. 3, л. 75; д. 4, л. 49; д. 5, л. 41, 66; д. 6, л. 8—9, 45, 80.

⁴ НГПИ, д. 6, л. 67.

учиться, приходили к нам и учились у нас читать и писать на грифельной доске».¹ Знаменитый впоследствии агроном Т. С. Мальцев так и научился грамоте от своих друзей мальчишек, в играх с ними; а потом, подобно многим своим сверстникам, развивал свое образование «самоуроком».²

Хотя основная часть грамотных крестьян выучивалась читать, писать, считать в детстве, овладение грамотой могло произойти и в более позднем возрасте, в процессе самообучения при помощи знакомых, родственников, во время службы в армии. Овладевать грамотой взрослым крестьянам помогали школьные учителя и частным порядком, и через создание воскресных школ, вечерних классов. Они могли быть созданы при официальных школах, но большого распространения в сибирской деревне не получили из-за настороженного отношения властей и недостатка учителей. К 1911 г. в сельской местности Сибири насчитывалось всего 30 училищ, при которых были воскресные школы, и еще в 60 велись повторительные занятия для взрослых. Воскресные школы посещало 997 чел., повторительные занятия — 798³.

Если начальное образование было более или менее доступно значительной части крестьян, то среднее и высшее дать своим детям могли очень немногие. Теоретически возможно было, перейдя из начальной школы низшего типа в «высшее» начальное училище и закончив его, поступить в фельдшерскую школу, учительскую или духовную семинарию, горное училище, гимназию и т. д., но на практике такое случалось очень редко. У большинства крестьян не было на это средств; мешало также крайне малое количество начальных училищ высшего типа в селениях, слабое развитие сети средних и высших учебных заведений в Сибири⁴. Кроме того, нужно иметь в виду, что большинство сибиряков стремилось сохранить связь своих детей с крестьянским хозяйством, не допустить их раннего ухода из дома, разрыва с образом жизни предков. «Неграмотный мужик крепче держится за соху», — так рассуждали многие⁵ и не пускали детей в школу или не стремились, чтобы ученик непременно закончил полный курс начального училища и продолжал обучение дальше.

Каковы были результаты обучения грамоте крестьянского населения Сибири? Еще на заре капиталистической эпохи некоторые наблюдатели акцентировали внимание на позитивных сторонах ситуации в этой области: «Грамотность в массе более распространена, чем в

¹ Там же, д. 5, л. 39—40.

² См.: **Мальцев Т. С.** Раздумья о земле, о хлебе. М, 1985. — С. 6; **Филоненко И. Е.** Хлебопашец // Роман-газета. — 1984. - № 23. — С. 7—8.

³ Подсчитано по: *Одnodневная перепись...* С. 30.; **Вольфсон Д.** Сибирские воскресные школы. — Томск, 1903. - С. 219—225.

⁴ См.: *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* — Л., 1968. —Т. 3. — С. 366-378.

⁵ **Мальцев Т. С.** Раздумья о земле... — С. 6.

(Европейской - **В. З.**) России»¹. Советские историки, изучающие крестьянство Сибири XVIII — первой половины XIX в., тоже подчеркивают, что «к настоящему времени можно считать, безусловно, показанной несостоятельность утверждений о поголовной неграмотности сельских жителей в феодальную эпоху, об их индифферентном отношении к книге»². Это действительно так. Но ошибкой было бы и преувеличение образовательного уровня крестьянства в Сибири всего дооктябрьского периода. При капитализме шел процесс неуклонного повышения этого уровня, но даже к началу XX в. положение в этой области было совершенно неудовлетворительным (табл. 11).

Таблица 11

Количество грамотного населения в Сибири в 1897г.*

Учебное заведение, в котором приобреталось образование	По Сибири в целом	В сельской местности	В т. ч. среди «лиц сельского состояния»		
			Мужчин	Женщин	Всего
Начальное	634328	491731	323308	55030	378338
	1093,7	919,6	1572,3	262,5	910,9
Среднее	41211	12216	1244	628	1872
	71,1	22,8	6,0	3,0	4,5
Высшее	3208	615	65	6	71
	5,5	1,2	0,3	0,0	0,2
Итого	678747	504562	324617	55664	380281
	1170,3	943,6	1578,6	265,5	915,6

*Подсчитано по: **Первая** всеобщая перепись... - Т. 73. – С. 32-35; Т. 74. – С. 32-39; Т. 75. – С. 34-37; Т. 78. – С. 50-53; Т. 79. – С. 44-47; Т. 81. – С. 32-35; В числителе – абсолютное количество грамотных, в знаменателе – доля грамотных в населении, на каждые 10 тыс. чел.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что среди «лиц сельского состояния» (к ним относили главным образом крестьян и казаков) в деревнях Сибири было лишь 9,2% грамотных. Уровень грамотности здесь был гораздо ниже, чем в сельской местности Европейской России и страны в целом.³ Таблица 11 фиксирует в качестве «грамотных» тех лиц, которые умели хотя бы читать, при этом не обязательно, чтобы они закончили какое либо учебное заведение. Грамотные приобщались к образованию почти исключительно в начальных школах; число имевших среднее и особенно высшее образование или хотя бы учившихся в соответствующих учебных заведениях было

¹ **Завалишин И. И.** Описание Западной Сибири. — М., 1862. — Т. 1. — С. 354.

² **Миненко Н. А.** Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // Изучение Сибири в советскую эпоху. — Новосибирск, 1987. - С. 113.

³ См.: **Соловьева Е. И., Зверева К. Е.** Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX — начало- XX в.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. — Новосибирск, 1987. — С. 79.

мизерным. Больше их было во всем сельском населении, но среди 12,8 тыс. «интеллигентных лиц» в деревнях действительно просветительную роль играли лишь немногие (учителя, медики, политические ссыльные), большинство же (многие чиновники, священники, писари) скорее способствовали «затемнению» народа.

Если дифференцировать крестьянское население Сибири на большие социальные группы, то можно констатировать несколько более высокую, чем в среднем, грамотность в слое кулачества, а так-же в сословных категориях казачества, переселенцев (в конце XIX — начале XX в.), конфессиональных общностях сектантов и старообрядцев, а также среди жителей крупных селений, лежавших в пригородной, притрактовой или прижелезнодорожной зоне¹. В период империализма грамотность крестьянства повышалась, но даже летом 1917 г. в Томской губ., например, она составляла всего 18,3% (среди мужчин — 27,5, у женщин — 8,7%). На средний крестьянский двор, содержащий здесь 6,0 чел., приходился лишь 1,1 грамотный². Материалы по Сибири являют собой яркое подтверждение правильности вывода, сделанного в 1913 г. В. И. Лениным на основе данных по стране в целом: «Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России»³.

Примечательные результаты дает рассмотрение образовательного уровня различных возрастных групп сельского населения Сибири (табл. 12). Доля грамотных, повышаясь в детских возрастах, достигала наибольшего размера в среде подростков и молодых людей. Накануне первой мировой войны количество грамотных среди призываемых из Сибири парней приближалось к 50%⁴. По мере перехода к более старшим возрастным группам грамотность последовательно снижалась. Меньшая грамотность в школьном возрасте по сравнению с подростковым легко объяснима тем, что многих детей отдавали «в науку» не с 7 лет, а позже. Низкие показатели грамотности у работников и стариков можно объяснить совокупным действием двух факторов. Сказывался, во-первых, известный прогресс системы начального образования, характерный для эпохи капитализма: в каждом новом поколении грамотных становилось все больше. Во-вторых, имели значительное распространение рецидивы неграмотности. По данным обследования, проведенного в 1899г. в Томском у. одноименной губ., 85% мужчин, окончивших начальную школу, к 25—30 годам забывали грамоту, сохраняя лишь умение подписываться¹. «Приобретенные (в школе. — **В. 3.**) познания быстро забываются почти совершенно, так как окружающая обстановка ни в какой степени не соответствует развитию любви к книге, — скорее наоборот», — констатировал

¹ Там же. — С. 81-86.

² Подсчитано по: Сборник статистических материалов по уездам... — С. 182 — 185.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 127.

⁴ См.: Соловьева Е. И., Зверева К. Е. Образовательный уровень... — С. 87.

в 1911 г. исследователь А. П. Ермолаев в своем отчете о поездке в Приангарье.²

Таблица 12

Доля грамотных в населении Сибири различного возраста (1897г.), %*

Возрастная когорта	В целом по Сибири			В т. ч. в сельской местности		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Дети до 7 лет	0,4	0,2	0,3	0,3	0,1	0,2
Дети школьного возраста	18,9	6,3	13,6	16,3	4,2	11,2
Подростки	26,4	10,3	18,0	22,7	6,5	14,3
Работники	24,3	6,1	15,3	21,0	3,8	12,5
Старики	13,1	2,4	6,9	11,8	1,3	5,6
Во всем населении	18,3	5,0	11,7	15,7	3,1	9,4

*Подсчитано по: **Первая** всеобщая перепись... - Т. 73. – С. 8-9; Т. 74. – С. 8-9; Т. 75. – С. 8-9; Т. 78. С. 12-13; Т. 79. – С. 12-13; Т. 81. – С. 8-9.

Традиционная система обучения, предполагавшая передачу знаний и формирование интеллектуальных способностей в процессе совместной деятельности и повседневного общения представителей разных поколений, даже будучи дополненной обучением детей грамоте в домашних и официальных школах, все же доминировала в сибирской деревне эпохи капитализма. Поэтому источники того времени нередко фиксировали засилье «старопрежних» способов мышления и хозяйствования крестьян, «консерватизм, косность и слепую привязанность к приемам и обычаям, унаследованным от предков»³. Однако чаще наблюдатели отмечали, что «при всей своей малограмотности и малокультурности сибирское крестьянство отнюдь не может быть подведено под понятие серой, инертной и беспомощной... массы, косной как в своих хозяйственных делах, так и в делах общественных»⁴. Полного культурного застоя вообще быть не могло: традиция допускала известную вариативность, без которой был бы невозможен прогресс; не проходило бесследно и влияние школы в лучших ее образцах. Эпоха капитализма характеризовалась значительным и более быстрым, чем ранее, общественным прогрессом, и в этом была велика заслуга крестьянства как самого многочисленного класса непосредственных производителей и носителей высоко развитой народной культуры, передававшимся новым поколениям.

Однако темпы и характер дальнейшего культурного развития самого крестьянства уже не соответствовали новым условиям и не устраивали лучших его представителей. Все более широкие слои сельчан понимали, что «одно дело «как старики учили», а другое —

¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 183, д. 337, л. 5.

² ККМ, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 70.

³ Труды местных Комитетов... — Т. 53. — С. 155.

⁴ Там же. — Т. 54. — С. 188. См. также: ЦГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1287, л. 15; **Ермолов А. С.** Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895г. — СПб. 1896. — С. 29—35; **Костров Н. А.** Юридические обычаи... — С. 96—97.

действительность¹, и требовали радикального изменения системы образования для своих детей. В решениях сельских сходов, на страницах печати, с трибун и общественных организаций представители крестьянства предлагали расширить программу общего образования, приблизить школу к жизни и усилить развивающее начало в обучении. Хроника революционного движения уже в 1905—1907 гг. зафиксировала 39 случаев коллективного выдвижения крестьянами Сибири политических по своему характеру требований введения всеобщего начального образования и бесплатного лечения.²

Наряду с этим трудящиеся крестьяне в союзе с рабочим классом ставили вопрос о создании эффективной системы сельскохозяйственного и технического образования. В Сибири дооктябрьского периода специальное образование находилось в зародышевом состоянии и не оказывало достаточно эффективного воздействия на развитие производительных сил в деревне. На 1 января 1910 г. действовало всего 17 профессиональных классов или ремесленных отделений при начальных школах в сельской местности. Лишь 440 ребят обучалось в них рукоделию или основам кузнечно-слесарного, столярно-токарного, плотницкого и сапожного ремесла³. Основы сельскохозяйственных знаний как предмет обучения занимали в школах еще меньшее место. Прогрессивную роль в деле специального образования молодежи играла деятельность просветительных учреждений по устройству музеев, сельскохозяйственных и промышленных выставок, показательных полей и ферм, но сфера их непосредственного влияния охватывала все же небольшую часть крестьянства Сибири.

В условиях крайнего обострения классовой борьбы в период империализма все большее значение приобретало политическое образование трудящихся, которое имело преимущественно внешкольные формы. Всеми доступными способами вели политическую агитацию и пропаганду в деревне большевики, и их позиции были прочнее всего среди бедняцкой молодежи. Боролись за политическое влияние на крестьянство мелкобуржуазные и буржуазные партии, часто используя легальные просветительные организации. Царизм силами МНП и духовного ведомства через библиотеки-читальни, так называемые «народные чтения» и церковные проповеди пытался противостоять складыванию политической армии буржуазно-демократической и социалистической революций, усилить влияние монархической, клерикальной и националистической идеологии в сибирской деревне⁴.

¹ **Виноградов Г. С.** Смерть и загробная жизнь... С. 293.

² Крестьянское движение в Сибири 1861 — 1907 гг. // **Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А.** и др. — Новосибирск, 1985. — С. 128.

³ Подсчитано по: **Бочанова Г. А.** Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX—начала XX в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. — Новосибирск, 1987. — С. 172—177. табл. 1.

⁴ Подробнее см.: **Косых Е. Н.** К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 — февраль 1917 гг.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. — Томск, 1976. — С. 65—75.

Таким образом, сфера образования крестьянской молодежи стала накануне Великого Октября ареной острейшей политической борьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замечательный советский писатель Федор Абрамов высказал в свое время такую мысль: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю»¹. Усвоим себе ее пафос, обращенный к нынешним поколениям: нельзя забывать, как жили наши собственные деды и прадеды, какие знания и нравственные ценности передали нам, завещали передать нашим детям. Однако мысль о населении и народе содержит и другой аспект, имеющий прямое отношение к теме настоящего пособия. Когда мы рассматриваем в научном плане процесс физического возобновления поколений, мы изучаем собственно воспроизводство населения. Исследуя же социализацию, мы переходим к изучению складывания чего-то качественно иного, что точнее было бы назвать не народом, а человеческим сообществом во всем богатстве его структуры и функций. Воспроизводство человеческого сообщества никогда не означало простого возобновления в новых поколениях того, что знали, умели и могли делать отцы и деды. Оно подразумевало формирование физической, интеллектуальной и эмоциональной способности людей к самообразованию, самовоспитанию и саморазвитию. К. Маркс подчеркивал, что каждое новое поколение «с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹.

В Сибирской деревне эпохи капитализма еще преобладала традиционная система воспроизводства крестьянского сообщества. Демографическое поведение большинства русских крестьян характеризовалось довольно ранним вступлением в брак, нахождением в браке в течение всего детородного периода, малым количеством разводов, стремлением сохранить такой состав семьи, который обеспечивал ее функционирование в качестве основной ячейки сельскохозяйственного производства. Традиционализм был присущ и социализирующей деятельности крестьян: воспитание детей были неразрывно связаны друг с другом, осуществлялись в контексте реальной жизни семьи и сельского сообщества и строились по образцам, перенятым от предков. Сознательный выбор целей и средств воспроизводства здесь был очень ограничен, каждое поколение, сравнительно мало отличалось от предыдущего.

Однако в ходе развития капитализма традиционная система воспроизводства населения уже перестала отвечать наличному уровню и темпам изменения общества. Основная масса

¹ Абрамов Ф.А. Энергия человеческого духа // Правдв. – 1988. – 19 февр.

крестьянства ощущала это и стремилась выстроить альтернативную линию демографического и социализирующего поведения. Переселенческое движение из Европейской России, внутрисибирские миграции, разрушая замкнутость деревенского мирка, вносили изменения в условия и формы демографического поведения, способствовали переосмыслению программ воспитательного и обучающего воздействия на детей и молодежь. Разрушение общины обусловило свертывание ее роли в изучаемой сфере деревенской жизни. Социальное разложение крестьянства обусловило резкие различия общественных условий, в которых осуществляли воспроизводство представители различных социальных слоев и групп сельского населения, а также способов и средств, использовавшихся ими в ходе воспроизводства.

Наиболее значительным проявлением инноваций в сфере воспроизводства населения явилось развитие системы общеобразовательных начальных школ в деревнях Сибири. Осознавая недостатки традиционной системы обучения своих детей, представители крестьянства участвовали в строительстве и содержании школ, пытались влиять на программу и методику учебно-воспитательной работы в них. Но ключевые позиции в школьном деле занимал царизм. Действуя через местные административные и церковные органы, он превратил сибирскую деревенскую школу в орудие классового господства помещиков и верхушки буржуазии.

Имевшие место в эпоху капитализма инновации в области воспроизводства крестьянского населения подготавливали переход в будущем к современному типу воспроизводства, наиболее характерные черты, которого заключаются в сознательном выборе количества и времени появления детей в семье, существовании внесемейной системы дошкольного, школьного и вузовского воспитания, общего и специального образования детей и молодежи. Однако движение в этом направлении шло довольно медленно. Резко негативную роль играли существенные патриархальные и феодальные пережитки в базисе и надстройке общества, низкий уровень и плохое качество жизни широких масс крестьянства. Демографическая и культурная революции, означавшие, в частности, переход к современному типу воспроизводства населения, сумели развернуться в нашей стране только после Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей совершенно новые социально-экономические, правовые и культурные условия для развития всех сторон образа жизни трудящихся классов. Всестороннее совершенствование советского образа жизни, являющееся одной из ключевых задач социалистического строительства в нашей стране, означает сегодня не только выявление и вытеснение пережитков патриархальщины и капитализма из сознания и поведения людей, но также и сохранение, развитие лучшего из

¹ Марс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. С. 45.

нашего исторического наследия. Непреходящую ценность имеет, в частности, опыт крестьянства в деле формирования устойчивой и оптимальной по структуре семейной ячейки, эффективного трудового и нравственного воспитания детей и молодежи, активного участия в общественно-педагогическом движении своего времени.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Введение

1. Какие современные процессы демографического характера обусловили повышение интереса к истории демографического поведения людей?

2. Почему в последнее время быстро растет интерес исследователей и практиков-педагогов к истории развития народной педагогики и народного образования в нашей стране?

3. Проанализируйте опубликованные материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Сибири.

4. Составьте библиографию новейших исследований (60-80-х гг.) по этнопедагогике народов СССР, этнографии детства и родительства.

Формы контроля: собеседование по вопросам на индивидуальных консультациях и во время занятий спецкурса; представление библиографии на проверку руководителю.

Глава I

1. Какова была роль семьи и общины в регулировании демографического поведения крестьян?

2. Какими способами крестьяне могли регулировать общие размеры семьи и ее внутреннюю структуру?

3. Каким образом тяжелые социально-экономические, правовые и культурные условия жизни крестьянства сказывались на показателях брачности, количества детей в семье и смертности сельского населения?

4. Охарактеризуйте факторы, которые определяли продолжительность жизни крестьянского населения в изучаемый период.

5. Дайте определение основных понятий и характеристику основных методов, с помощью которых изучается естественное движение населения.

6. По опубликованным этнографическим источникам определите, какие качества невесты и жениха учитывались при вступлении в брак в крестьянской среде изучаемого периода. Ранжируйте эти качества.

7. Составьте опросный лист, с помощью которого можно выявить основные параметры и особенности демографического поведения крестьянства конца XIX - первой трети XX в. Проведите беседу по этому листу с 2—3 респондентами. Данные опроса запишите.

8. По опубликованным материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. сравните общие размеры семьи, соотношение мужского и женского населения в сельской местности Сибири и других регионов России, в сельской и городской местностях Сибири.

Формы контроля: беседа по вопросам на соответствующих лекциях спецкурса и индивидуальных консультациях; просмотр опросных листов, результатов опроса руководителем спецкурса.

Глава II

1. Какие факторы обусловили сохранение традиционных форм воспитания в крестьянской среде дооктябрьского периода?

2. Каким образом развитие капитализма вглубь и вширь в Сибири изменяло традиционную систему воспитания и обучения детей?

3. Как сказывалось социальное разложение крестьянства на формах и результатах воспитательной и образовательной деятельности крестьян?

4. По публикациям журнала «Сибирская живая старина» (Иркутск, 1923—1929) определите круг вопросов истории народной педагогики в Сибири, нашедших отражение в исследованиях Г. С. Виноградова и его учеников.

5. По опубликованным материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. сравните уровень грамотности сельского населения Сибири с таковым у крестьян других регионов, у городского населения Сибири.

6. Составьте опросный лист, с помощью которого можно выявить особенности воспитания и обучения детей и подростков в крестьянской среде Сибири конца XIX — первой трети XX в. Проведите беседу по этому листу с 2—3 респондентами. Данные опроса запишите.

7. Произведите анализ опубликованных материалов переписи начальных школ Российской империи 1911 г. по Сибири.

8. Охарактеризуйте состояние школьной сети в восточной Сибири по материалам обследования крестьянских хозяйств иркутской и енисейской губерний в 1886-1892 гг.

Формы контроля: выступление студентов с наибольшими сообщениями на занятиях спецкурса; проведение коллоквиума по опубликованным источникам; просмотр данных опроса руководителем спецкурса.